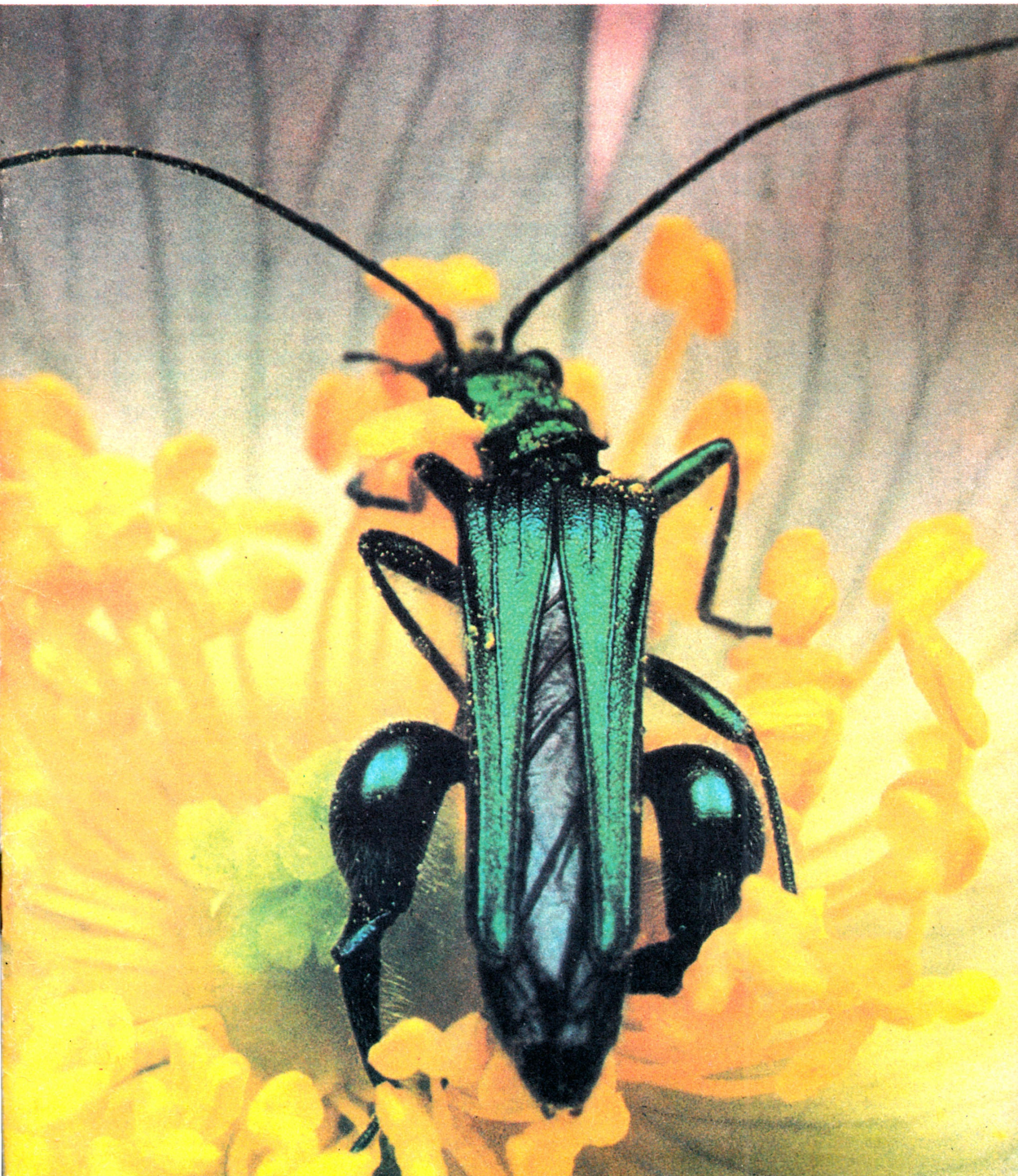

Юный Натуралист

ISSN 0205-5767

1996

4

Мод белоснежным покрывалом

Весна цветов! В центральной России и на среднем Урале, юге Сибири и, конечно, на Дальнем Востоке. В Приморье в конце марта зацветает амурский горичвет, и в апреле лес там уже полон цветов — хохлаток, ветрениц, гусиных луков и прочих. Зацветают и другие, вовсе не европейские виды. Радуют глаз лесной мак и кандык, или собачий зуб. Зацветают они на Кавказе и Алтае, но не в лесах европейской части России. Если вы в это время забредете на лесное болото где-нибудь на Южном Сахалине, Камчатке или Курилах, восторгу и удивлению ваше-

му не будет предела: словно напоминание об ушедших снегах то тут, то там из почвы, будто стая лебедей оставила свои крылья, густо возвышаются желтые початки, окруженные белоснежными листьями.

Любой ботаник в этих растениях сразу же признает родственника нашего среднерусского болотного растения — белокрыльника. Растения принадлежат к семейству аройниковых (ароидных), основным признаком которого и является соцветие-початок, окруженное крупным прицветным листом-покрывалом.

ЛИЗИХИТОН

Семейство ароидных — тропическое. В нем более тысячи растений двух типов: первый — лианоидного, с длинными лазящими стеблями и такими же шнуровидными, свисающими вниз корнями и второй — с клубнями в почве и сезонно развивающимися надземными стеблями. Как вы думаете, какой из них имеет больше шансов распространиться в холодные умеренные области? Ясно, что представители второго, так как лианообразные стебли легко вымерзают, а клубни, спрятанные в почве, спокойно могут пережить легкие морозы, особенно, если почва топкая,

пропитанная водой, ведь вода смягчает колебания температур.

Представителем таких аройниковых на свере является лизихитон камчатский. Правда, красивое растение? И какое крупное! Початок достигает размера более полуметра, а вместе с белоснежным покрывалом — почти в метр. Даже в тропиках редко встречаются початки такой величины. А вот листья, которые весной еще чуть видны, летом вырастают до полутора метров длины, почти в рост человека! Пожалуй, это самое крупнолистное растение не только на Дальнем Востоке, но и во всей России!

А теперь поподробнее

рассмотрим початок. Мелкие невзрачные цветки соцветия расположены спирально на общем цветоносе, который представляет собой довольно толстый, сочный стебель, окруженный в основании крупным листом-покрывалом, и пока початок еще не созрел, он защищает нежные зачатки цветков от вредителей и непогоды. Созрев, початок начинает привлекать насекомых-опылителей. Не правда ли, красиво выглядит желтый початок на снежно-белом фоне? Наверное, у насекомых-опылителей сходное с людьми восприятие прекрасного.

Ну, а желтый цвет початка создается за счет тычинок, которых в каж-

**Юный
Натуралист**

1996

4

Научно-популярный иллюстрированный детский и юношеский журнал. Выходит один раз в месяц. Журнал основан в 1928 году.

дом цветке шесть. Лепестки лизихитона совсем невзрачные и мелкие. Впрочем, как у всех тропических ароидных. Так красота початка создается за счет покрывала, иногда зеленоватого, иногда и ярко-красного.

СЕЛЕЗЕНОЧНИК

«Мал золотник, да дорог», — гласит известная пословица.

Чтобы быть красивым, не обязательно быть крупным. Вот, например, селезеночник. Это мелкое растение (в высоту никак не более 10 сантиметров) образует обычно целые заросли в сырых местах, ольшаниках, по берегам мелких речек или в речных долинах. Его блюдцевидные соцветия можно обнаружить лежащими на почве уже под снегом. С пер-

выми теплыми днями стебелек соцветия быстро удлиняется, и соцветие выносится вверх. Обратите внимание: наружные, более нижние прицветные листья в нем во всем похожи на стеблевые и прикорневые, они примерно такой же величины и окраски — ярко-зеленые и желтые.

Сами цветки тоже желтоватые, но цвет их создается не лепестками, а чашелистиками, которых в каждом цветке всего четыре. Шесть коротких тычинок мало заметны, а вот пестик и самое дно цветка тоже зеленоватые.

Что ж, обратим внимание на листья. Нижние из них почти округлые, верхние — полукруглые, покрыты редкими длинными волосками, а по краям с немногочисленными выре-

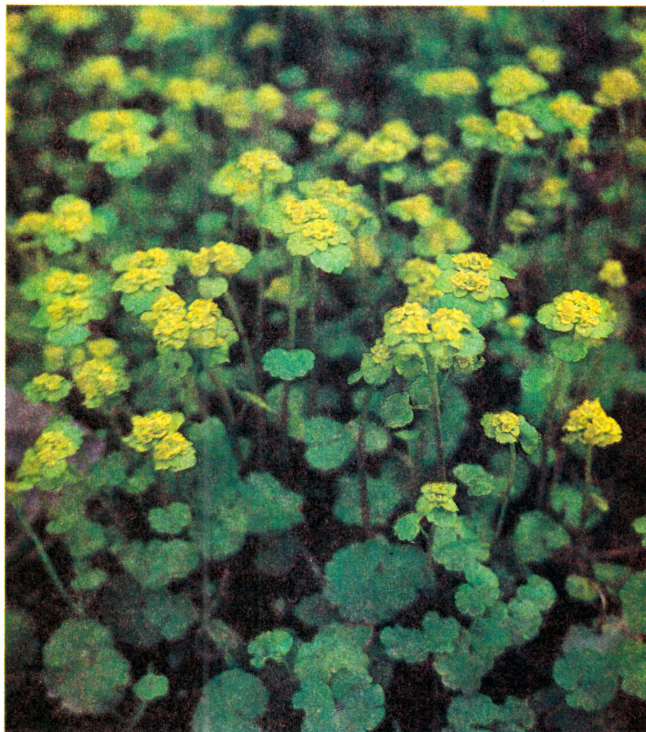
зами. Между вырезами расположены зубцы, очень широкие, тупые и короткие. К середине каждого из них подходит жилка, и в этом месте находится небольшое углубление, а в нем — крошечное острие — окончание жилки. Во влажную погоду на кончике этого острия всегда можно видеть каплю воды. Не думайте, что это капля дождя или росы. Того и другого может и не быть, а капля все равно будет. Это сам лист освобождается от избытка воды. Поэтому углубление с подходящей к ней жилкой носит особое название — гидатоды.

Нижние, прикорневые листья у селезеночника более крупные и более темные, чуть подвядшие по краям, с бурыми пятнами. Эти листья прожили почти год и перезимовали под снегом. Так что селезеночник — растение зимнезеленое.

БАГУЛЬНИК, ИЛИ РОДОДЕНДРОН ДАУРСКИЙ

С конца апреля сопки южной Сибири начинают пламенеть багульником. Местный багульник — кустарничек с чисто-белыми цветками. Ботаники относят его к роду «ледум». Растет он по всей Сибири и Дальнему Востоку, и даже в Америке. Багульник в южной Сибири на самом деле — рододендрон даурский. Так назвал его Карл Линней, великий шведский натуралист, отец ботаники.

Веточки рододендрона даурского в букетиках начинают продавать уже в конце зимы. Поставишь их дома в воду — и через

несколько дней они зацветут нежными розовыми цветами. У наших деревьев и кустарников почки срезанных веток тоже раскрываются и начинают зеленеть или цвести, но таких красивых цветов, как у рододендрона, вы от них, увы, не дождетесь.

Если быть внимательным и точным, ветки рододендрона даурского и зимой нельзя назвать голыми. Часть листьев на них остается. Иногда один-два, иногда больше, но всегда у вершины веточек, близ

цветочных почек. Потому это растение можно назвать полувечнозеленым.

Из каждой цветочной почки появляется один, редко — два или три цветка нежной розово-лиловой окраски, из пяти лепестков, которые кажутся сверху совсем раздельными. На самом же деле в основании они спаяны в короткую трубочку, или в кольцо, а опадают они все целиком, вместе с тычинками, которых 10, с длинными нитями. Тычинки сидят тесным пучком, веером расходясь

от центра к периферии цветка. Верхние нити заметно короче нижних, которые на концах загнуты. И на их концах, словно маленькие бочоночки, висят пыльники. Они доверху наполнены пылью и сверху открыты круглой дырочкой, так что пыльца из них просто выпирает. Насекомое, подлетающее к цветку, не может их не задеть, благодаря чему пыльца из бочонка легко высыпается и попадает на насекомое, которое летит и несет ее на другой цветок.

АРОЙНИК

По соцветию этого растения нетрудно угадать, что оно принадлежит к семейству аройниковых. Об этом свидетельствует прежде всего большой покровный лист урновидной формы, но примерно такой же, как у лизихитона и белокрыльника. И само соцветие, по-видимому, початок. Правда, пока это можно только предполагать, так как самого соцветия мы не видим. Но что оно есть — это точно. Об этом свидетельствует странный булавидный

стерженек, торчащий перед покрывалом и идущий от его дна. Так оно и есть на самом деле. Но где же все-таки цветки? Ни у лизихитона, ни у белокрыльника их искать не приходится — они на виду, потому что и покровный лист плоский. В основании он свернут в кулечек.

Тут, конечно, нужны специалисты. Это становится ясно при первом взгляде на соцветие. Оно будто специально окрашено в темный цвет, чтобы его в сумраке леса было как

можно меньше заметно. Это почти так и есть, ибо привлекают к себе эти соцветия не цветом, а запахом, который не очень приятен для человека.

Учуяв запах, комарики летят к «кулечку» и устремляются вниз, легко преодолевая барьер из волосков, так как они направлены вниз. Тычинки еще не созрели, поэтому верхний этаж «кулечка» комарики проходят без остановки, проникая на нижний, где созревшие пестики и источают запах. Если комарики уже побывали в каком-либо початке, они обязательно несут на себе его пыльцу.

Как только произойдет опыление, комарики переберутся на верхний этаж початка, где как раз к этому времени созреют тычинки, осыпая комариков своей пыльцой. После этого верхний этаж волосков засыхает, и комарики, нагруженные свежей пыльцой, летят к следующему початку. Так происходит перекрестное опыление.

МУСКАРИ

В народе это растение имеет не слишком благозвучное название — гадючий лук, или мышинный гиацинт. Почему лук — ясно, потому что это растение луковичное и действительно сродни гиацинту, но почему гадючий или мышинный? Может быть, потому, что не очень вкусный? И правда, ни листья, ни луковицы у него не съедобные.

Но цветки... Они, конечно, тоже несъедобны, да и зачем их есть, когда они такие красивые? Такие мелкие синие шарики.

Впрочем, не все одинаково синие и не целиком. Большинство цветков в период полного цветения у мускари с белой оторочкой, контрастно выделяется на синем фоне, что, конечно, увеличивает шансы цветка на посещение насекомых и именно в тот период, когда он в этом больше всего нуждается. Пока цветок еще не совсем раскрылся, белая оторочка завернута внутрь венчика. Когда он уже опылен, венчик сморщивается в зеве, теряя первозданную белизну оторочки.

Приглядевшись к соцветию мускари внимательнее, легко заметить, что цветки на его верхушке чуть светлее, мельче, без белой оторочки и торчат как-то растрепанно, в виде хохолка. Почему, зачем? А затем, что эти цветки — бесплодны и служат только целям привлечения насекомых. Заглянув внутрь их венчика, вы не увидите там ни пестика, ни тычинок, а только какие-то их недоразвитые части, в то время как в нижних темно-синих цветках все на месте: шесть тычинок и один пестик.

Одни листья у мускари совершенно свежие, задорно торчат вверх, как пики казачьего войска, а другие какие-то грустные, с поникшими верхушками да с подвядышими кончиками. Это как раз те листья, которые начали рост с осени и перезимовали. Они отросли первыми и, вполне возможно, росли и под снегом. Но молодые листья переживут их ненадолго. В начале лета вся надземная часть у мускари — и листья и стебли — отомрет. Мускари — эфемероид, как и пролеска.

ТЮЛЬПАН ЛЕСНОЙ

Тюльпаны знают хорошо все. Весной, да и позже ими торгуют во всех цветочных магазинах. Красивые цветы! Крупные, красные, с черной серединкой. Впрочем, если у цветка видна серединка, то это плохо. Это значит, что цветок уже состарился и скоро лепестки с него опадут. Тюльпаны продаются обычно в бутонах, с еще сомкнутыми острым конусом лепестками. Такие могут простоять в прохладную погоду с неделю.

Видов тюльпанов — великое множество, гораздо больше сотни, но главным образом в Средней Азии. В культуре они распространились почти по всему свету. Путем скрещивания разных видов выводятся новые сорта с более крупными, яркими цветами.

А дикорастущие тюльпаны, к сожалению, истребляют целенаправленно, выкапывая луковицы или срывая стебли, вытаптывают места их обитания, распахивают земли, на которых они растут, застраивают их разными сооруже-

ниями. Раньше на юго-востоке России в обилии рос крупный и красивый, ярко-красный тюльпан Грейга. Теперь он попал в Красную книгу. Найти его сейчас можно только в самых глухих и недоступных местах. Но вот гораздо более скромный тюльпанчик — лесной — еще изредка встречается по опушкам дубрав, кустарниковым зарослям, на лесных полянах в Саратовской и других лесостепных областях юга России. Цветы у него желтые, всего 3—4 сантиметра длиной, но из всех наших ве-

сенних цветов он — один из крупных.

Тюльпан лесной — типичный представитель семейства лилейных: шесть лепестков, расположенных в два круга: один — наружный (его лепестки часто отгибаются наружу раньше лепестков внутреннего круга), другой — внутренний. Тычинок шесть, завязь одна, с одним столбиком, верхняя. Что это такое — вы уже знаете. А в земле у тюльпана — луковица, которая состоит всего из одной толстой сочной чешуи.

РЯБЧИК РУССКИЙ

Вы, конечно, хорошо знаете рябчиков? Это птицы из отряда куриных, с пестрым оперением. Потому рябчиками и называются. Рябчик-растение тоже окрашено в рябенький цвет. Один из видов рябчиков так и называется: рябчик шахматный. Его цветки окрашены подобно шахматной доске: шашечка темная, шашечка светлая. Точно так же и у рябчика русского, только менее ярко, менее контрастно. Зато у него на стебле несколько цветков, а у шахматного — только один, и листики на конце без усиков. У рябчика русского — каждый верхний листочек заканчивается длинным тонким усиком. Для чего? Затем, чтобы цепляться за соседние травы и кусты. Рябчик русский — растение лесостепное, широко распространен (то есть был распространен раньше, когда лесостепи еще существовали, и степи тоже) в лесостепной полосе по всей Восточной Европе, на север — вплоть до долины

Оки. Но сегодняшние степи все перепаханы, леса почти что все вырублены, и рябчик русский можно найти разве что в каком-нибудь заповеднике или в зарослях кустарников по склонам крутых оврагов.

Обратите внимание, какой у него стройный стебель, как грациозно склонены вниз цветки, покачивающиеся при слабом дуновении ветерка, как задорно торчат вверх усики листьев! А что же у него в почве? Луковица. Мельче тюльпанной. Помимо покровных чешуй, состоит

она всего из двух толстых запасующих, между которыми и выходит стебель. Луковица у рябчиков однолетняя. Это значит, что за лето запасующие чешуи полностью сменяются: старые к концу цветения полностью высыхают, истощаются, превращаясь в тонкие покровы, а взамен их на верхушке донца луковицы нарастают две новые сочные чешуи, которые и перезимуют вместе с зачатком стебля и цветков.

А. ХОХРЯКОВ,
доктор биологических наук
Фото Р. Воронова

! ПРЯТНОГО !
● АППЕТИТА ●

У каждого народа существуют свои неписанные правила о том, как себя следует вести за столом. Принятые сейчас у россиян законы застолья сформировались за одно-два последних столетия. Конечно, они более строго соблюдаются за праздничным столом. Утром, если все спешат кто на работу, кто в школу, не до соблюдения этих традиций. Зато когда в воскресенье большая дружная семья собирается обедать или устраивает званый ужин, забывает о них не следует. Правила застолья касаются буквально всего: как, где и с кем садиться за стол, в каком порядке обнести блюдами обедающих, кому подать первому, что подать в начале трапезы и что в конце.

В отношении детей существуют особые правила. Малышей кормят отдельно и обычно раньше, чем взрослых. Когда ребенок научится хорошо владеть ложкой и вилкой, он начинает принимать участие в семейных трапезах, но за праздничный стол детей не сажают. А есть у животных правила поведения во время еды? Давайте познакомимся с тем, как обедают братья наши меньшие.

Существует немало животных, которые никогда совместно не трапезничают. К числу наиболее необщительных существ можно смело отнести пауков. Если они вне брачного периода и испытывают друг

к другу взаимный интерес, то интерес этот явно гастрономический: когда пауки ненароком сталкиваются, то более сильный съедает своего соплеменника. Однако нет правил без исключения. В тропиках обитают пауки, чье поведение настолько необычно, что ученые назвали их республиканцами.

Южноамериканские крестовики, собравшись большой компанией, строят для себя общежитие. А затем каждый в одиночку плетет свою сеть-паутину и самостоятельно охотится. У республиканцев-улоборусов ловчая сеть общая. Несколькими десятками или сотнями самцов и самок общими усилиями плетут колоссальные, а потому и уловистые тенета, на которых каждый потом возводит свою ловушку. Но ни те, ни другие добычей с соседями не делятся и на обед товарищей по общежитию не приглашают.

Самые дружные пауки — африканские республиканцы-стегодифузы. У них не просто республика, а настоящая коммуна. Вместо индивидуальных домов у них общежитие и общая ловчая сеть. Каждый член коммуны принимает активное участие и в совместном строительстве, и в совместной охоте, да и обедать они «сажаются» большими компаниями и кушают из общего «котла».

Зоологам известно, что даже в самых дружных и прочных семьях далеко не всегда практикуются совместные трапезы. Пример тому луговые луны. Браки у них заключаются на всю жизнь, но семья существует недолго. Восемь меся-

цев в году супруги живут порознь. Семья восстанавливается, как только самка вернется к местам гнездовья, и распадается, когда дети взрослеют. В это время обязанности по снабжению пищей жены и детей ложатся на «плечи» главы семьи.

Утром чаще всего первым завтракает лунь-отец, но не потому, что он эгоист или по утрам бывает особенно голоден. Глава семьи отправляется на охоту с восходом солнца и, уже минут через 20 возвращаясь с добычей, еще издали негромким ласковым квохтаньем приглашает супругу позавтракать. Самка голос собственного супруга никогда не спутает с призывными криками других самцов. Она хорошо слышит и отлично понимает, зачем ее зовет муж. Но то ли ей не страшнеть себя ночной дремы, а может быть, утро кажется слишком холодным и сырым, и страшно, что оставленные яйца переохладятся, но гнезда она не покидает.

У луней не принято, чтобы отец с добычей вламывался в гнездо, когда хозяйка дома на месте. Полетав вокруг и убедившись, что жена не собирается завтракать, самец садится на землю, кладет возле себя добычу и ждет иногда полчаса, иногда час, затем снова летит к гнезду, снова зовет супругу. Если она и на этот раз не появится, грустно опускается на землю и в одиночестве съедает уже остывшего и поэтому не очень вкусного мышонка, а потом снова отправляется на охоту.

Пока в гнезде еще яйца,

Основу питания выдры составляют мелкие рыбки — небольшие сазаны, щуки, форель, плотва. Летом, кроме рыбы, охотятся на куликов, уток, грызунов.

самка с завтраком не спешит. Если же птенцы уже вылупились, дети подолгу прохладждаться матери не позволяют. Малыши, услышав отца, требуют, чтобы мать их тотчас же покормила. Ей поневоле приходится покидать гнездо. Самец передает ей добычу на лету, прямо из лапы в лапу, и снова улетает на охоту. Если дети еще малы, мать выбирает самого голодного, рвет добычу на мелкие кусочки и до тех пор засовывает их в открытый ротик, пока малыш в состоянии ее глотать, и только потом примется кормить следующего.

Когда птенцы подрастут, каждый по очереди получает охотничий трофей целиком. Почувствовав себя единоличным владельцем обеда, малыш поспешно отворачивается, чтобы никто не смотрел ему в рот, и принимается за еду. А братья и сестры не протестуют. Хотя между детьми большая разница в возрасте, ведь мать откладывает яйца через день-два, старшие никогда не обижают маленьких и не отнимают у них добычу, как это принято у совы и других птиц.

Покинув гнездо, молодые луны, уже научившиеся летать, еще долго остаются иждивенцами. Охота — сложное дело, и чтобы овладеть ее азами, требуется время. Отец и в этот период остается главным снабженцем семьи, только теперь он сам отдает добычу детям, бросая ее на лету поднявшемуся навстречу луненку. Подхватив приношение, молодой лунь уединяется и трапезничает без свидетелей.

У обезьян свои правила поведения. В степи стадо павианов-гамадрилов кормится, рассыпавшись небольшими группами. Тут нет общего стола: каждый отправляет в рот то, что нашел. Другое дело, если утром обезьяны отправились завтракать к вполне определенному дереву, с которого за ночь упало на землю множество спелых плодов. Здесь первым к еде приступает вожак, и пока он не насытится, никто не смеет приступить к еде. Нарушитель этого правила тотчас получит хорошую трепку. Не освобождаются от наказания даже совсем маленькие.

Шимпанзе более демократичны. Хотя и у них старших принято уважать, но за общим столом правило старшинства строго не соблюдается. Конкуренция из-за пищи у них наблюдается редко, чаще проявляется взаимная забота. Когда в лесу мало корма, большое стадо распадается на отдельные группы, и каждая странствует по своему маршруту. Но стоит одной из них наткнуться на урожайное место, как все члены группы раздражаются уханьем, хрюканьем и подают пищевой сигнал «А-а-а», сзывая членов других групп на совместное застолье.

У хищников существуют как правила поведения за «столом», так и законы, регулирующие организацию добычи, «приготовление» и распределения пищи. В львином прайде может быть до 40 зверей. Когда дичи хватает, взрослые самцы в охоте участия не принимают. Добыть мясо — обязанность жен. Убивать на охоте антилопу или

зебру и кормить мужей тоже. Львица должна и оттащить добычу, если там, где она лежит, есть неудобно. Первым к обеду приступает глава семьи, самый могучий лев, но если мяса много и он не голоден, царь зверей может позволить есть вместе с ним от одного куска и другим членам прайда, конечно, если они ему не мешают и не оспаривают самые лакомые кусочки.

Сравнительно недавно ученые узнали, что шимпанзе при случае тоже не прочь поохотиться, в том числе на своих близких родственников: павианов и мартьшек. Охота ведется облавой, и удачливый охотник делится мясом с участниками охоты. Иногда случается, что охотник добыл добычу в одиночку, тогда он одаривает мясом любых членов стаи. В первую очередь наделяются порциями животные высших рангов и самки. Это делается особенно охотно, когда мяса много. Со стороны иногда кажется, что охотник отдает часть своей добычи лишь для того, чтобы ему не мешали спокойно обедать. Все получившие свою долю немедленно отходят в сторону. С ними вместе может уйти и часть обездоленных членов стаи в надежде выпросить подачку у новых обладателей мясных деликатесов.

Дележ добычи — дело сложное. Иногда хозяин мяса разрешает одному-двум товарищам откусывать по кусочку от своего сокровища или отрывает по куску и раздает их. Шимпанзе мясную пищу едят обязательно с гарниром, пережевывая ее вместе с какими-нибудь листьями,

Белка Аберга. Основу пищи этих милых созданий составляют семена, орехи, сушеные плоды и грибы, почки и молодые побеги.

даже с сухими, правда, сам гарнир чаще всего не проглатывают. Хозяин мяса нередко ограничивается тем, что такие пережеванные вместе с гарниром комки мяса выплевывает для просителей.

Среди шимпанзе встречаются и гордецы, которые не унижают себя выпрашиванием подачек, а спокойно сидят рядом, но всем своим видом дают понять, что и они не прочь полакомиться вместе со всеми. Владелец мяса об этом догадывается и может одарить и гордеца, особенно если мяса много.

Не все охотники одинаково щедры. Одни делятся добычей спокойно, другие отталкивают, «покрикивают» на просителей и огрызаются. Иногда обезьян низшего ранга при дележке обходят. Обделенный в отчаянии может закатить истерику. Нередко это дает положительный результат.

Самцы щедрее самок. Когда дичь в руках представительницы прекрасного пола, она старается ни с кем не делиться, особенно с другими самками. Это правило общеизвестно, и многие волосатые дамы даже не пытаются выпрашивать мясо у своих более счастливых подруг.

Не всегда дележ добычи проходит бесконфликтно. Если добычей владеет шимпанзе низшего ранга, его попросту могут ограбить, правда, сделать это нелегко. Чтобы спасти добычу, ее владелец старается удрать или ложится на

нее, закрывая своим телом, и старшие сильные самцы, признавая право частной собственности, порой отступают. Есть еще один простой способ пообедать спокойно и вволю наесться мяса. Для этого, поймав дичь, нужно немедленно спрятаться с нею в лесу. К такому приему особенно охотно прибегают животные низших рангов, но иногда им не гнушаются воспользоваться и обезьяны-лидеры. Мясо — излюбленная пища обезьян, и они ею дорожат.

Правила застолья иног-

да допускается нарушать детям. От своего ребенка мать-шимпанзе не требует строгого соблюдения приличий. Шимпанзенок уже с четырех-пятимесячного возраста начинает присматриваться к тому, что она ест.

По мере того как малыш взрослеет, мать делится с ним пищей все менее охотно, и ему частенько приходится долго хныкать, прежде чем он получит вожаденный кусочек. С четырех-пятилетними детьми матери еще продолжают делиться пи-

щей, но только тем, что трудно добыть, или тем, что требует специальной обработки. Например, скорлупа рвотного ореха чилибухи, внутри которой находится от двух до восьми зерен, не поддается даже

Саванны — излюбленные места обитания жирафов. Длинные шея и язык помогают животным добираться до самых сочных верхних молодых побегов и бутонов акаций и мимоз.

внушительным зубам взрослых шимпанзе. Ее приходится разбивать камнем, чего малыши еще не могут сделать, и матери вынуждены им помогать. Зато пищу, которую шимпанзята могут добыть сами, матери подросткам уже не отдают.

Матери и другие взрослые шимпанзе не учат детей тому, что следует есть. С большим вниманием матери следят за тем, чтобы дети не съели чего-нибудь,

что взрослые не едят. За этим следят и другие члены стаи. В джунглях, кроме съедобных, немало и ядовитых растений, и детей приходится учить не тащить в рот что попало. Ученые не раз наблюдали, как матери вытаскивали изо рта своего отпрыска косточку плодов гарцинии, родственницы нашего зверобоя, или дынного дерева и забрасывали их подальше, чтобы они снова не попались на глаза несмышленышам.

У псовых другие обычаи. Волки, зарезав лосенка или косулю, до отказа набивают мясом свои желудки и бегут домой, где отрывивают пищу и кормят ею детей. Если охота идет успешно, пищи хватает всем, но когда дичи мало, вся добыча достается детям. Родителям же приходится довольствоваться малосъедобной пищей: птичьими лапками, костями, кусочком засохшей лосиной шкуры, а если повезет, слопать кузнечика.

Чуть подросшим детям гиеновые собаки не носят пищу, но о малышах никогда не забывают. Когда стая убивает в саванне антилопу, к ней никто не смеет прикоснуться. Стая делится на две группы: бездетные звери остаются охранять добычу, а родители бегут домой за детьми и ведут их к «столу». Пока малыши не утолят голода, взрослые гиеновые собаки участия в обеде не примут.

У большинства птиц малыши не способны сами разыскивать корм, но чтобы их покормили, дети должны уметь вести себя за «столом». Пока мама и папа рыскают в лесу в поисках корма, птенчики

Яванские носороги предпочитают кустарниковые и травянистые заросли на окраинах тропических лесов. Кормятся лиственной молодой деревьев, кустарников и лиан. Большие деревья они пригибают к земле, а затем начинают обгладывать листву.

дроздов-рябинников сидят в гнезде тихо-тихо, не шевелятся и не пищат, а то заметят их вороны, налетит ястреб, и родители, вернувшись домой, найдут гнездо пустым. Зато когда кто-нибудь из родителей вернется и, сев на гнездо, слегка встряхнет его, дети не мешкая должны как можно шире разинуть свои ротишки и как можно сильнее вытянуть шеи. Иначе еды они не получат. Позже, когда глаза у птенцов откроются, сигналом к трапезе станет один вид подлетающих к гнезду родителей. Заметив мать с жирной гусеницей в клюве, дрозды откроют рты и вытянут шеи.

Для птенцов серебристой чайки приглашением к обеду служит мяукающий крик взрослых птиц. Они бегут навстречу и принимают хватать клюв родителя, пригласившего их к обеду. Цыплята домашних кур, тетеревята, глухарята, юные рябчики с первых дней жизни сами разыскивают корм. Но когда мать найдет что-нибудь съедобное и особым криком, сопровождаемым характерными движениями и позами сообщит об этом детям, они охотно принимают приглашение к «столу» и опростетью сбегают на ее призыв.

Бывает, что больной, потерявший аппетит дрозденек не выказывает желания перекусить и не от-

крывает рта. Тогда мать, чтобы его растормошить, дотрагивается до него клювом или издает негромкий призывный звук. Если же и это не подействует, займется другими детьми или сама проглотит пищу. Случается, что цыпленок не спешит на материнский зов. Его за это не наказывают, но малыш рискует остаться голодным.

Весной у нас на Севере случается холодная дождливая погода. В такие дни насекомые прячутся, а ро-

дители хотя и выбиваются из сил, но не могут досыта накормить малышей. Если в выводке оказался слабый птенец, он от голода еще больше ослабнет, окажется не в состоянии широко разевать рот и энергично тянуть шейку, поэтому пища ему не достанется, и он погибнет. Это не жестокость, а целесообразность. Усиленное внимание к слабенькому, больному малышу скорее всего его не спасет, а пища, которая пойдет на него, не

достанется здоровым и сильным. В результате погибнет не только большой птенчик, а еще два-три или даже весь выводок, так что стратегия родителей вполне оправдана.

Семейство бобров, если найдет много лакомого корма, обедает сообща, а когда в семье есть бобрята, в осмотрительность которых ни их родители, ни старшие братья и сестры не верят, совместные трапезы становятся явлением обязательным. Однако хоть они и едят вместе, но сохраняют между собой извечную дистанцию. За «столом» даже месячные бобрята, впервые покинувшие дом, начинают волноваться, если мать приблизится к ним слишком близко, явно опасаясь, как бы у него не отобрали вкусненькое, и тотчас принимаются стонать и жаловаться: «Ах, ах, ах, аах, аах!» Не заглядывай в мою тарелку! Не откуси от моей веточки!»

Бобряткам, в свою очередь, заглядывать в «тарелки» старших тоже не полагается. Мать, дело ясное, она стерпит, даже если малыш примется с другого конца обгрызть ее ветку. Другое дело отец или старшие братья и сестры. Они не станут поощрять нахала, так разахаются, что он уберется подалее. Однако в порядке компенсации за собственную строгость — ведь с родным существом имеют дело — могут сплавить за вкусной веткой и приволочь ее малышу. Пусть кушает и быстрее растет, но не забывается и не нахальничает со старшими. Вот так!

Некоторые состоятель-

ные мамы порой отказываются от хлопотной обязанности выкармливать ребенка собственным молоком, нанимают для этого няньку или даже кормилицу. Животные тоже пользуются услугами няnek и кормилиц, и, как ни странно, самые квалифицированные из них встречаются в семьях общественных насекомых. Ведь даже среди таких злобных созданий, как пауки, нашлись чадлюбивые существа, вроде теридиума каменистого, самки которого выкармливают детей «зобным молочком» — полупереваренными соками съеденной добычи. Паучата, поняв по вибрации паутинных нитей, что мать закончила обедать, наперегонки бегут к ней, и она кормит малышкой по очереди из своего рта. А самка сизифова теридиума не только выкармливает детей «молочком», но, когда они немного подрастут, «готовит» им похлебку из пойманной мухи, впрыснув в нее «желудочный сок», чтобы внутри все переварилось, а потом прокалывает ее во многих местах, дабы дети могли к ней присосаться. Ведь «зубки» у них еще не окрепли!

Большинство насекомых если и проявляют заботу о детях, то ограничиваются тем, чтобы отложить яички в такие места, где вылупившиеся из них личинки сразу же найдут для себя пищу. Бабочка-крапивница откладывает яички на лист крапивы, бабочка-капустница — на капустный кочан, а бабочка соснового бражника — на сосну или ель. Лишь немногие насекомые специально добывают пищу для своих детей, складывая ее в осо-

Измумрудный антильский колибри зависает в воздухе около цветка, просовывает клюв в бутон, чуть приподнимает надклювье и при помощи сложенного в трубочку языка глотательными движениями выкачивает нектар.

бые хранилища, и помещают туда же одно или несколько яичек: наездники добывают для детей пауков или гусениц, жуки-навозники набивают свежим навозом ячейки специально вырытой норки, а жуки-кравчики заквашивают в норках силос.

Только общественные насекомые — пчелы, осы, муравьи и термиты ухаживают за своими детьми: кормят, чистят, проветривают их помещение, в холодную погоду согревают их, а когда становится жарко, увлажняют жилище и усиливают вентиляцию. Правда, у пчел папы и мамы детей не опекают и не кормят.

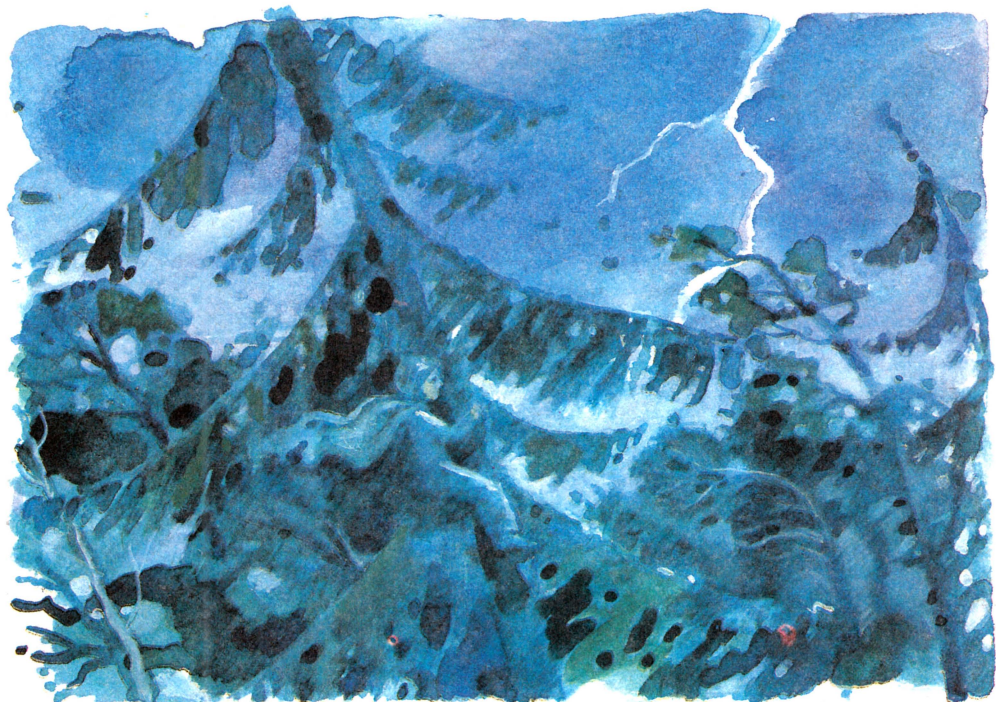
Пчелы-кормилицы всех личинок в течение первых трех дней жизни кормят маточным молочком, которое вырабатывается в слюнных железах в период с четвертого по восьмой день их взрослой жизни. В дальнейшем большинство детей получают менее питательную пищу, но тех личинок, из которых хотят вырастить маток, кормят этим молочком в течение всей их личиночной жизни. Только на этом полноценном корме личинки способны хорошо развиваться. Вот почему молочко называется маточным.

Б. СЕРГЕЕВ,
доктор биологических наук

Путешествие по вершинам

Повесть

Многое на вершинах открылось мне заново: так у близких людей со временем узнаешь вдруг неизвестные тебе черточки и особенки. Узнал, что у серых мухоловок есть мужья старательные и заботливые, которые прилежно кормят своих жен, когда те насиживают яйца. А есть разгильдяи и лодыри, которые угощают их лишь от случая к случаю. Узнал, что у лесного конька, певца лесных вершин, есть две песенки: одна «сидячая», а другая «летучая». Одну он исполняет, сидя на дереве, а другую — только в полете, когда взмывает вверх, трепеща над лесом.

И «сидячая» на «летучую» не похожа.

Дятел, мирный красавец дятел, на моих глазах взломал квартиру пухляка и разграбил его гнездо! Проткнул яички клювом и вылизал длинным языком досуха — одни скорлупки остались! А мухоловка-пеструшка со всклокоченными перьями на «плечах»! «Что за неряха?» — думал я. Оказалось, у нее дупло тесное, только-только протиснуться. Она старательно кормила птенцов, то и дело протискиваясь в тугое дупло, — вот перья на плечах и взъерошились.

На вершинах я открыл для себя даже... новый вид птицы! Я был уверен, что в нашем лесу обитает только пухляк, или гаичка, как ее еще называют. А получи-

лось, что это совсем две разные птички! Пухляк — это пухляк, а гаичка — это гаичка. Да и она не одна, а целых две: гаичка сероголовая и гаичка буроголовая! Но и сейчас, вблизи, разобраться в них было совсем не просто. Даже в определителе было сказано, что черноголовая гаичка-пухляк «в природе практически не отличается от буроголовой». А сероголовая гаичка отличается от всех других, как сказано в том же определителе, «бурой шапочкой»! Вот попробуй и разберись: гаичка «сероголовая», а шапочка у нее... «бурая». Такая, какая должна быть у гаички буроголовой. А у буроголовой шапочка... черная, как у черноголовой, то есть как у пухляка! Немудрено, что я пухляков и гаичек путал: да я и сейчас их все равно путаю. И поражаюсь, как самито они различают друг друга! Все одинаково серенькие, у всех темные шапочки, все одинаково вертлявые и непоседливые, все в дуплах гнездятся и все несут одинаковые яички — белые в бурую крапинку.

Видел, как осоед прикрывал своих малышей в гнезде зелеными свежими ветками. Как аист принес в гнездо большой пук травы, а в траву был завернут... уж! Чтобы не выскользнул: так мы заворачиваем в бумагу скользкого налима или сома.

Видел сверху, как медведь под деревом вытирал ноги! Сидел я на высокой осине над глухой лесной тропкой. Сидел и дремал: ничего близко не происходило. И вдруг на тропе появился медведь. Брел не спеша, уткнув нос в землю. И вдруг ни с того ни с сего как-то странно стал выкручивать задние лапы. Ставил лапу и крутил ею, словно окурочку затирает. Или вытирал ноги. И с такими вывертами затирает и вытирал, что на тропинке за ним оставались темные лунки, прокрученные до земли. Метров на двадцать протянулось за ним это странное черное многогочие.

Вытерев ноги, медведь снова побрел своим обычным ходом, бурча под нос. Медведь по лесу тихо ходит, как в мягких кедах. Зачем же он тут шумел и вытирал ноги? Несомненно, что его «многогочие» — лесное послание, письмо кому-то. Скорее даже любовная телеграмма: точка, тире, точка! Догадайся, мол, сама...

Случались и потрясающие события. Видел сорочонка-самоубийцу. Сороки счастливо выкормили сорочат: самые шустрые уже выбрались из гнезда, и родители

их увели в овраг, а в гнезде остался самый слабенький. Он целый день просидел на краю гнезда. Когда я снова пришел, сорочонок уже... повесился! Из всклокоченного гнезда торчал сучок-рогулька: в этой-то рогульке и висел сорочонок, заклинившись в ней головой. И уже не дышал: ноги и крылья безвольно свисали. По неловкости он сорвался и застрял головой в рогульке.

Потом я часто находил в сорочьих гнездах такие рогульки-виселицы: они очень опасны для неловких сорочат во время их вылета из гнезда.

Я узнал, что тропинки бывают не только земные, но и воздушные. С ранней весны до середины лета «протапывал» над моей березой воздушную тропинку вальдшнеп с выщербленным крылом. Оказалось, что у каждого вальдшнепа есть своя «тропа», а на «тропе» свои, постоянные повороты. У одного вальдшнепа тропа была в виде вытянутого овала — он летал по кругу. У другого — в виде извилистой линии с поворотами на концах: он летал по ней взад-вперед. И если бы летящие вальдшнепы оставляли следы, то над лесом и в самом деле протянулись бы туманные видимые тропинки, но не ногами протоптанные, а вымаханные крыльями.

У вальдшнепа, что летал над моей березой, тропинка соединяла выдающиеся лесные мысы, тянулась вдоль опушек и просек, напрямик пересекала поляны. Свесь свой длинный нос, похожий на карандаш, он спешил по ней, призывно похрюкивая. Полетом летучей мыши он проносился мимо, а я засекал время. Ровно через шесть минут он возвращался назад, когда летел влево, и через четыре минуты, когда пролетал вправо. На всю дорогу от поворота до поворота уходило у него пять минут. Весь вечер до темноты утюжил он свою дорожку над лесом, старательно похрюкивая и поциркивая. Вот тебе и вольная птица — летает как по веревочке! Каждое утро, каждый вечер, с ранней весны до середины лета! И шагу с тропы не шагнет.

Когда на его призыв из леса взлетала вальдшнепиха, он кидался к ней — и тогда несколько нарушался жесткий график его движения. А так — хоть часы сверяй! Три километра от поворота до поворота, как по расписанию.

Взлетал он по вечерам всегда с одного и того же места — у корявой сосны на

опушке: значит, день проводил только там. Днем отлеживался и дремал, а вечером спешил на воздушный бульвар, в поисках развлечений и приключений. Интересно, что и на другой год он летал все по той же тропе, по знакомой воздушной стезжке-дорожке.

Охотники такие полеты называют «тягой», спешат на вальдшнепиные перекрестки и сшибают фланирующих куликов. И подлое это убийство на большой дороге называют «поэтической охотой на тяге».

Гостевал я и в семье золотой птицы — иволги. Птицы-флейты, птицы — солнечный зайчик, и птицы — драной кошки! Разъяренной кошкой, которой хвост в дверях прищемили, орала на меня эта лесная красавица, когда я поднимался к ее гнезду-люльке. Вот загадка: все говорят, что иволга кричит кошкой, но никто почему-то не скажет, что кошка кричит иволгой!

Люльку свою иволга привязала к рогулке, оплела ее надежными морскими узлами; никакой ветер гнездо не сорвет. Моя неуклюжая и громоздкая «люлька» рядом с иволговой казалась всклокоченной охапкой хвороста, которая вот-вот развалится. Но как только я скрылся в ней — иволга быстро успокоилась: с глаз долой — из сердца вон!

Зеленоватая самочка утонула в люльке, видны были голова да хвост. Ветер баюкал люльку, тени ласково гладили иволгу; круглые глаза ее то вспыхивали, то потухали. Я никогда не видел большого самородка золота, но, глядя на иволгу, представлял его вот таким: желтым в черной оправе. И в то же время был уверен, что даже золотому самородку далеко до красоты живой иволги.

Художники с острым глазом и тонким вкусом! Почему не лазает по деревьям, не сидит с мольбертом у птичьих гнезд? Вот она, красота, которая вдохновит вас. Остановите мгновение. Толпы благодарных зрителей придут поклониться вам.

Береза любовно качала люльку и вынянчила наконец полдюжины иволжат. В два клюва их кормили родители, скоро малышам стало тесно в люльке, и они расселись по ее краям. А потом разбрелись по всей березе. Один облюбовал мое укрытие: сидел, охорашивался, пересчитывал перышки, делал гимнастику, разминал крылышки. Родители по очереди кормили их.

Каждый прилет золотого самца был для меня событием. Даже спирало дыхание. Когда я возвращался домой, то всех встречных хотелось спросить: «А вы видели близко иволгу?» И гордо ответить: «А я видел!»

Скоро иволговая семья улетела, теперь весь лес стал птенцам родным домом. И мы еще не раз встречались в лесу и звонко пересвистывались.

Очередным своим пристанищем я облюбовал старую осину с изборожденной корой и обломанными бурей сучьями. Сучья застряли в развилке ствола, там было так накручено, наворочено, словно баба Яга устроила свою избушку. Моя ухоронка надежно скрывалась в этом завале.

Но не завал соблазнил меня, а дупло, которое чернело в стволе соседней осины. Как только я перестал возиться со своей ухоронкой, я сразу же на него посмотрел. Но дупла уже не было! Оно больше не чернело. Оно исчезло. Словно черный осиновый глаз закрылся серым веком.

Так и было: только не веком дупло закрылось, а... головой сыча! Я видел борозды на коре, нашлепки лишайника-золотянки, а на месте дупла — круглую сычиную голову, заткнувшую дупло изнутри! Она была тоже серая, с такими же темными полосками, и два желтых глаза были как две золотянки. Голова была... дверью!

Так я случайно нашел гнездо нашей маленькой и очень скрытной совы — мохноногого лесного сыча. До этого я видел только рисованных сов, да их чучела в музее. Совы поражали своей необычностью. Но ни в рисунках, ни в чучелах не было самого главного — совиной таинственности и исключительности. Сейчас же сама таинственность и загадочность выглядывала из дупла. Осина смотрела на меня глазами сов!

Глаза совы. Что по сравнению с ними прославленная игра драгоценных камней! Чистый блеск, глубина, сиянье луны. Сова их то прищуривает, словно прикрывавая ставнями, то вдруг распахивает — как окна настезь!

Сычи и совы — порождение лесных ночей. Жутковатые голоса, как бы сами по себе бродящие в темноте. Беспшумные крылья превращают сов в бесплотные тени, проплывающие в просветах ночного неба. Нечистая сила, вестники беды, привидения леса.

Голова исчезла, и на стволе снова затемнело дупло. Обычное дупло, каких немало в старом лесу. Но я-то знал теперь, что это дупло совсем особенное, оно приютило тайну.

В первую же ночь я сидел в избушке бабы Яги. Внизу застойная лесная тишина, шевеление темных пятен. Темный глаз у дупла еще виден, но вот он словно бы подмигнул и исчез. Догадываюсь, что высунул голову сыч и закрыл «дверью» вход. Сыч тоже всматривается в темноту. Вот снова дупло моргнуло — сыч вылетел и канул в черноту еловых лап. Для сыча наступил день, время бодрствования и охоты. Для меня — глухая ночь.

Сыч сидит сейчас где-то на сучке, разминается и осматривается, поворачивая круглую голову. И золотые глаза его сейчас почти целиком заняты расширившимися зрачками.

Для дневных обитателей леса сыч сейчас — невидимка. Они не видят его, а он их ясно видит. Он протягивает лапу и берет за загривок синицу. А та только чувствует, что кто-то — невидимый! — схватил ее и понес по воздуху. Для нее невидимки не сказки: они обитают рядом, они смертельно опасны, у них когтистые лапы, хватающие за горло.

И я не вижу сыча. А он видит и слышит все. Слышит, как мышь под землей грызет корешок, как переступает, меняя лапку, спящая на ветке пичужка, как жук точит кору.

Скоро взойдет его солнце — моя луна. На стволы, землю, сучья лягут его солнечные зайчики — мои таинные блики. Для меня лес станет еще таинственней — для него привычней. И мне еще больше захочется проникнуть в его темный мир.

Бессонные ночи тянутся долго. С нетерпением ждешь, а ничего такого не происходит. Ну прощурит тихонько кто-то внизу — заяц или еж. Кто-то мелькнет в просвете неба — козодой или летучая мышь. Кто-то, не таясь, пройдет стороной, с треском ломая сучья: лось, наверное. А чаще совсем ничего: ни шороха, ни мелькания, ни треска. До утра будет плыть тягучая темнота, шевелиться в ней густки теней, пока утренний ветерок не захлодит щеки.

Самое интересное началось, когда из дупла стали высовываться сычата. Густые черные брови, пронзительные глаза, загнутые носы — этакие шаржики на Мефистофеля! Любопытствующий скворец

Вальдшнеп.

как-то раз заглянул днем в дупло, отшатнулся и с паническим верещанием унесся в лес.

Целый день кто-нибудь из сычат внимательно смотрел из дупла, как бабушка Яга из своего окошка. Задумчиво смотрел на дождевики, осмысливая это явление природы. Поворачивал голову за пролетающей близко птичкой или бабочкой. Озадаченно хлопал глазами, когда у его носа зависала оса. Не переставая приглядывался к лесу, в котором ему предстояло жить.

И время это пришло. Как-то в сумерках прилетел к дуплу старый сыч и стал свистеть. Сычонок, выглядывающий из

Поползень.

дупла, забеспокоился, завертел головой, вывалился — и улетел. А в дупле светле-ла уже другая рожица, похожая на пер-вую, как Матрешка на Матрешку. Так и вываливались они из дупла — целых пять дней. Особенно трудно оказалось выманить из дупла самого маленького, последнего. Сычи призывно свистели, а он не решался. А потом шагнул, оступил-ся, сорвался, зацепился и долго висел вниз головой, дергая куцыми крыльями.

Все обошлось. У дупла не было ковар-ных сучков с рогульками, и сычонок не застрял. Сычата теперь весь день сидят на деревьях молча и незаметно, но, как только опускается вечер, они начинают посвистывать, сигналият родителям, что пора бы их покормить. Родители неслыш-ными тенями мелькают всю ночь напро-лет, спеша заткнуть их ненасытные рты.

Темнота, летучие тени, непонятное пере-свистывание. Когда-то оно было для меня пугающим и тревожным, а сейчас я знаю, что это не вестники зла, не привидения, а всего лишь проголодавшиеся сычата и их обеспокоенные родители.

Памятна и еще одна ночная встреча. Я сидел на елке, а рядом тоже была осина и тоже с дуплом, похожим на черный глаз. И так же в сумерках глаз вдруг моргнул и закрылся! Но закрыла его на этот раз не голова сыча, а голова самого удивительного нашего лесного зверька — летучей белки! Эта зверушка так редко попадает на глаза, что даже многие охотники никогда ее не видели, а иные даже не знают, что она вообще существует.

Летяжка всматривалась в темнеющий лес, и в черных глазах ее светилась луна. Потом выскользнула и поползла по ство-лу вверх. На боковом сучке сжалась в круглый комочек, прыгнула и... улетела! Распластанное в плоский коврик тельце мелькало, вылетая из тьмы на лунный свет: мгновение спустя я услышал тихий мягкий шлепок и шуршание коготков. Летяга с легу пришлепнулась к комлю элки шагах в двадцати. И больше я ее в эту ночь не видел.

А на другую ночь все повторилось в точности: снова вверх по стволу, снова тот же сучок, прыжок, планирующий полет и шлепок — точно на том же месте! У нее явно были свои натоптанные дорожки: по стоячим стволам-тропинкам, по висячим сучкам и даже по воздуху — как у вальдшнепа. И каждый вечер она пробе-гала и пролетала по ним.

На месте, где летяга каждый вечер пришлепывалась к еловому комлю, я при-кнопил чистый лист бумаги с копиркой. В первый же вечер летяга пришлепнулась точно на него и... оставила на листе свой автограф — царапины от всех четырех лапок! За несколько вечеров я собрал их целую пачечку и до сих пор храню.

Той летяги, конечно, давно уже нет в живых, но точно так же проторенными древесными и воздушными тропинками продолжают бегать ее внуки и правнуки. И можно снова подставить листок с ко-пиркой, и они распишутся на нем всеми четырьмя лапками.

Сколько дней в году, сколько погод на дню — столько и приключений. Сколько на дереве обитателей — столько и наблю-дений. И путешествию по вершинам нет

конца. Только бы не потерять интерес.

Я интереса не потерял, я... перепугался!

Самые отчаянные путешественники на плотках по морям или пешком через огненные пустыни, случалось, сдавались, пережив особо сильное потрясение. То же произошло и со мной. Я «летел» на высокой елке, утро было ясное, дали чистые, гирлянды росы набухли на еловых иголках и паутине. Но уже парило, и за далеким лесом ворчал и ворочался гром — все громче и недовольней.

Скоро все стихло, насторожилось, словно свежилось в ожидании сокрушительного удара. И вот гром выкопался из-под земли, взревел и все потряс. Дрогнула земля, качнулось небо, почерневшая высь проросла ветвями лиловых молний. С ревом, воем и треском накатился мутный ливневый вал; закипело, замелькало, утонуло в тумане и круговерти струй, брызг и ветра. Затрещали, сгибаясь, сосны, полетели сучки и ветки, на березах и ольхах листья вывернулись наизнанку. И елка моя полетела, словно птица, в этом кипучем облаке!

Стульчик был надежно привязан, и я вцепился в него; потому только елка и не выбросила меня, как праща бросает камень.

Мы летели сквозь бурю вместе: елка, стульчик и я. Сизая бурлящая мгла вокруг, свист и вой, водяная пыль, струи дождя, полосующие почему-то сбоку. Нас обгоняли летящие сучья и листья, словно перепуганные птицы.

А елка опасно накренилась, задрожала от напряжения, затрещала, готовая переломиться, но выдержала. И как только напор ослаб, начала выпрямляться. И мы полетели на всех парусах — теперь уже против ветра!

Внизу зеленой пеной клубились ольхи и трепетали березы, то кипя, то вытягиваясь в струю. Заряд за зарядом, свистя и воя, накатывался на лес под треск блестящих молний и обвальное грохотание грома. Лес сгибался, трещал, деревья стучали сучьями и ломались. И все виделось как сквозь взбаламученную мутную воду: то чуточку прояснилось, то скрываясь совсем.

Елка моя широко раскачивалась, я то взлетал в невесомость, то мчался куда-то вниз, терпя нагрузки. И обмирал со страха: вот переломится елка, вот я сорвусь с нее на взлете, и она забросит меня за

горизонт. И я хватал воздух, как рыба на берегу, и жмурил глаза, как сова на солнце.

Мотало долго и страшно. И я поклялся: если останусь цел, больше не путешествовать по вершинам.

Напоследок сверкнуло до ослепления и громыхнуло так, что в ушах зазвенело! Ливень ударил с новой силой, и меня в который раз понесло в кипящую муть. Но это был и последний опасный заряд: сверкало и громыхало все дальше и тише. И ливень уже не сек сбоку, а привычно поливал сверху, валы ветра слабели, и лес уже не сгибался в дугу.

Вымокший, измочаленный, перепуганный и укачанный, я с превеликим трудом сполз на землю и, заплетаясь, побрел домой.

Так закончились мои путешествия по вершинам. Я остался цел, и слово надо было держать. Но вершины меня манили. И я решил тогда приблизить их к себе — купил бинокль. Но это было совсем не то:

Гаячка.

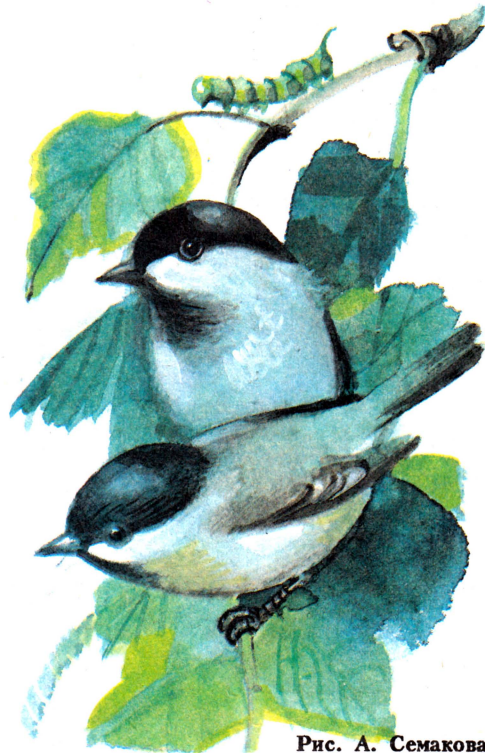

Рис. А. Семакова

я теперь уже не участвовал в жизни вершин, а был всего лишь наблюдателем со стороны.

Со временем страх прошел, и я бы, наверное, нарушил слово, данное в минуту испуга и слабости, но скоро стало не до путешествий: началась война. Ни разу я не пожалел, что когда-то карабкался на деревья и сидел на семи ветрах. Жалею, что не могу сделать этого и сейчас. Представляется, что я пережил лишь малую толику того, что мог бы пережить и понять, будь у меня больше времени и упорства. Вся жизнь наших косматых предков проходила когда-то на вершинах! Что дало это им, кроме длинных и цепких рук? Как их вершинная жизнь сказала на нас, живущих теперь внизу? Может, совсем не от птиц, а от предков родилась в нас мечта о полете? А наши летучие сны — не память ли наших генов? А широкий взгляд на все окружающее не оттого ли, что когда-то мы привыкли к широкому кругозору? Ведь все тогда было под нами — до самого горизонта.

Перед глазами наших предков были все этажи леса — от лесных подвалов до лесных чердаков: как тут не развиться любопытству и исследовательскому инстинкту? И особая точка зрения — сверху! А возможность спокойного наблюдения? При встрече с опасностью на земле звери спасаются бегством, мечтая лишь о спасении. Предки же наши, вскочив на дерево, могли уже без боязни — и долго! — следить за своим врагом, за его поведением и повадками. Они наблюдали, изучали, сравнивали — они мыслили!

Гул древесных вершин до сих пор волнует нас: не память ли это о нашей прародине?

Лес шумит, то возвращая в прошлое, то наталкивая на картины будущего. Он всегда о чем-то шумит. И всегда о чем-то очень важном, что за порогом твоих повседневных забот и тревог. И обдает тебя то жаром, то холодом, вот-вот ты что-то такое услышишь и что-то такое поймешь. И тебе откроется Главное. Что толку в синице в руках, если не видишь журавля в небе?

Рис. В. Бухарева

Дорогие ребята!

Читая апрельскую почту, я чувствую ваши весенние хлопоты и заботы. Вот пишет ученица 4-го класса Антонина Сазонова: «В воскресенье утром я пошла в лес и увидела веселую апрельскую картинку. На опушке у зарослей бузины, где пробудилась молодая крапива, порхали четыре бабочки. Это были крапивницы. И я хочу спросить, как могли они так рано народиться в холодном лесу?»

Дорогая Антонина! Апрельская крапивница не юное, а уже возмужалое создание. Это зимующая бабочка. Ей месяцев восемь, она появилась на свет прошедшим летом, примерно в августе. Обычно крапивницы позднего выводка не умирают осенью. Чуть заходит, и они прячутся в укромном уголке — забираются в дупла, под коряги, заползают в узкие щели и засыпают на всю долгую зиму. А весной, когда повеет теплом, просыпаются, выползают на солнышко и немедленно летят искать крапивные заросли. Ведь они откладывают яички только на листья крапивы. И только крапивными листьями питаются их гусеницы, никакой другой пищи не признают.

Крапивница принадлежит к великолепному семейству нимфалидов. Семейка огромная, около двух тысяч видов. Большинство из них обитают в жарких краях. Тропические нимфалиды очень красивы и огромны, некоторые с размахом крыльев более 20 сантиметров. Наша крапивница не так крупна, но и не мелка, около 5 сантиметров. Ее можно вырастить дома в живом уголке. Об этом рассказывает кандидат биологических наук Татьяна Васильевна Гоголина.

СЛАДКОЕЖКИ

В детстве мы с сестрой не один раз выращивали крапивниц в картонной коробочке или в стеклянной банке.

Пойдем на обочину леса или на пустырь, заросший крапивой, и насобираем малюсеньких, только что вылупившихся гусеничек.

Гусеничка крапивницы — мохнатая, черная, с пестро-желтыми разводами на спине и с шиповидным выростом, покрытым волосками. Дотронешься до гусенички, она приподнимается, выгибается и может моментально упасть на землю, где среди палочек и соломинок ее не разыскать.

Собранных гусениц мы помещали в банку вместе с крапивными листьями. Банку с гусеничками приносили домой, ставили на стол и ежедневно рвали свежий корм для питомцев.

Рвать жгучую крапиву трудно, обязательно обстрекаешься, получишь в награду розовые пузыри на пальцах. Но тут уж ничего не поделаешь. Наш дедушка не позволял нам оставлять живые души без еды. То и дело мы бегали за крапивой. Положим листья на стол на бумагу и выпускаем пленниц. Они с такой жадностью набрасываются на листья, будто их целый век не кормили. Вскоре от кучи листьев остаются одни черешки и крупные жилки. Насытившихся гусениц записываем в коробку или в банку. Они сворачиваются пушистыми черными колечками, отдыхают. А мы бежим за новой порцией еды.

Наконец гусеницы превращаются в неподвижных куколок. Крапива им не нужна. И наши натруженные пальцы отдыхают.

Если куколки сидят в стеклянной бан-

ке, то через стекло очень хорошо видно, как из кокона вылетает первая бабочка. А наш дедушка по каким-то признакам угадывал появление первенца и в непрозрачной коробке. Как только он скажет: «Пора!», — мы хватаем коробку, выбегаем на улицу, открываем темницу — и в небо взлетает крапивница. Сколько радости!

Коробку оставляем открытой. В течение дня оттуда бабочки выпархивают одна за другой. Они казались нам намного красивей тех, которые рождались на воле без нашей помощи.

Было это в конце лета.

Проходила осень, зима. А весной мы вспоминали про своих бабочек. Забирались на чердак и стлкаялись там, как нам казалось, со своими воспитанницами, которые зимовали в щелях под крышей. Они уже порхали на чердаке, искали выход на улицу. В восторге мы открывали слуховое окно, бабочки вылетали на волю и устремлялись к старой березе. Из ее ствола через соломинки, вставленные в проделанные сверлом дырки, стекал в кувшин сладкий сок. Бабочки садились стайкой возле соломинки.

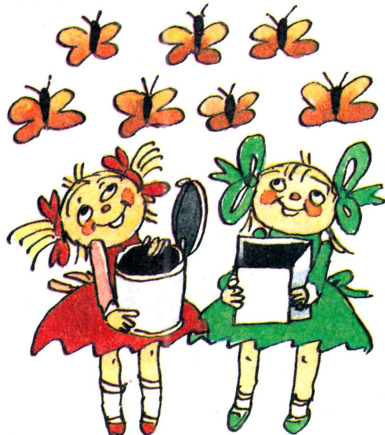
— Дедушка! Дедушка! — кричала сестра. — Наши бабочки — сладкоежки! Они пьют березовый сок.

— Вот и хорошо, — говорит дедушка. — Бабочка не гусеница, крапивный лист она не грызет. Ей сладкий нектар нужен.

Дедушка задумчиво смотрел на Валентину и спрашивал:

— А почему ты решила, что на чердаке зимовали ваши воспитанницы?

— А чьи же?! Они самые! Такие красавицы...

Саха Харчев озабочен вот чем: «Где и как растет саксаул?»

Дорогой Саха! Без саксаула невозможно представить себе азиатскую пустыню. Это растение из семейства маревых. Его ближайшие родственники — известные всем свекла и лебеда, но саксаул совершенно на них не похож. Научное название пустынника в переводе с латинского звучит как безлистное дерево-солянка. О нем рассказывает ботаник Эдуард Николаевич Черненко.

ДЕРЕВО-СОЛЯНКА

Саксауловый лес поражает новичка своим мрачным видом. Скрюченные деревца с корявыми белесыми стволами, иногда почти лежащими на песке, создают неприветливый, безжизненный вид. Днем в летнюю жару там не увидишь ни одного обитателя. Все прячутся от солнца, как будто исчезают с лица Земли. Все замирает вокруг. Слышен лишь свист горячего ветра да нестройный перестук саксауловых веток.

Лишь к вечеру на закате солнца саксауловые заросли оживают. Из укромных выбегают ящерицы, выползают змеи и черпахи, запевают на ветках ночные птицы.

У саксаула нет листьев. А почему?

Известно, что зеленый лист любого растения испаряет воду, добытую корнями из почвы. Вода достается саксаулу нелегко и в малых количествах. Излишнее испарение ему противопоказано. Вот и пришлось дереву-солянке избавляться от лишней испаряющей поверхности. Его листовые пластинки, приспособившись к пустынному климату, уменьшились почти до микроскопических размеров, превратились в крохотные чешуйки.

Ну а как же, не имея листьев, солянка растет и развивается? Каким образом усваивает солнечную энергию? Как в ее организме происходит фотосинтез?

Оказывается, роль зеленого листа у саксаула выполняет веточка. Она улавливает солнечные лучи. Из углекислого газа, воды и минеральных солей в ней создаются органические питательные вещества. Зеленые веточки, как и зеленые листья, ежегодно увядают и опадают. В сильную жару, чтобы дерево не испаряло и без того недостающую влагу, ветки опадают иногда и летом.

Саксаула несколько видов. Самый распространенный — саксаул черный. Он крупнее сородичей, вырастает в высоту до 4 метров, а в хороших условиях и до 8. Занимая большие площади, создавая облик азиатской пустыни, саксаул черный верой и правдой служит человеку.

Однажды мы с Женей, шофером нашей ботанической экспедиции, спасаясь в пустыне Муюнкум от раскаленного добела солнца, прятались в саксауловой тени. Правда, тень этого дерева дырявая, кружевная, но все же тень, и мы вполне отдохнули. Вечером набрали в лесу валяжника, разожгли костер, приготовили хороший ужин, а ночью тронулись в путь.

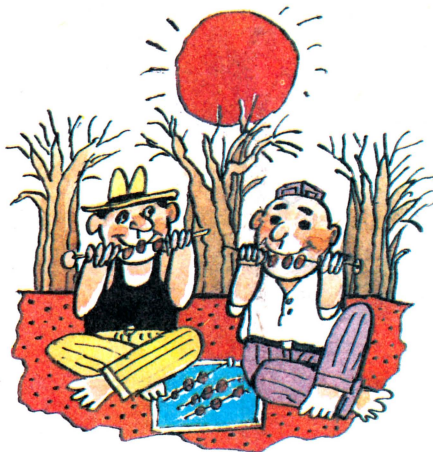
Саксауловая древесина — единственное природное топливо в необозримых песках. Опавшие ветки люди собирают на дрова, используют с той же целью и дерево целиком. Саксауловая древесина необычна по своему строению: ее невозможно ни рубить, ни пилить. Она очень тверда. Чтобы разжечь костер, саксауловые ветки разбивают ломом или обухом топора, то есть крошат древесину. Зато она обладает едва ли не самой высокой калорийностью среди древесин, дает очень жаркое пламя; угли и зола очень долго сохраняют тепло. Считается, что на саксауловых углях можно приготовить самый вкусный шашлык.

Не только на дрова пригодно это дерево.

В низовьях реки Жанадарья, на правом берегу, я видел небольшой мост через русло высохшей речушки. Мост как мост. Трудно сказать, когда он построен, но видно, что сделан из саксаула. Скрюченные полешки слежались так плотно, что извлечь хотя бы одно было совершенно невозможно.

Саксаулом укрепляют стенки колодцев в песках, стволы и ветки используют при постройке жилья. В древних мавзолеях Средней Азии саксауловая древесина служила как арматура для непрочного строительного материала — самана. Некоторые мавзолеи, построенные давным-давно, сохранились до наших дней.

Заросли саксаула превосходно закрепляют песок. Корни деревьев проникают в грунт на 10 метров и глубже. Разветвляясь во все стороны, корневая система одного большого дерева скрепляет десятки кубометров сыпучего песка. Если корни встречают в глубине воду, саксаул

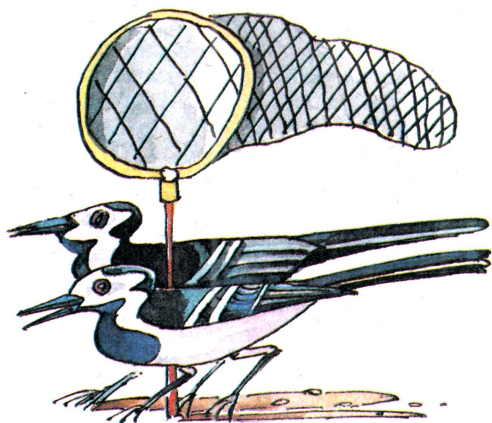
растет очень быстро, превращаясь в высокое дерево. Если же воды мало, пустынное дерево-солянка и через много лет выглядит кустиком.

Ирина Кокшпинская пишет: «Мой дедушка очень любит смелые фантазии, сам их сочиняет, и слушать его одно удовольствие. Один раз мы с ним пошли на Истру смотреть начало ледохода. Дедушка сказал, что будто бы лед на реке разламывает длинным хвостиком весенняя птичка трясогузка. И я хочу узнать, откуда идет такое волшебное поверье».

Дорогая Ирина! Сказка ложь, да в ней намек! Весенняя птица трясогузка возвращается к нам из жаркой Африки в то самое время, когда на больших реках начинается ледоход. Такая картина повторяется каждую весну тысячи лет. Совпадение этих реальных событий и послужило основой для поверья, в котором малая пичуга наделена богатырской силой. Об истинных способностях трясогузки рассказывает наш юный корреспондент Илья Терентьев.

ТРЯСОГУЗКА, ТРЯСОХВОСТКА

Ранней весной ее можно увидеть на песчаной косе у реки. Птица бегает между камешками и трухлявыми корягами, высматривая в щелках живых личинок, жучков. Или вспорхнет, устремится к темному облачку мошкары, схватит на лету мушку — и возвратится на прежнее место, опять побежит по песочку.

Комары, мотыльки, мошки, различные бабочки и жуки, их личинки и куколки — любимая пища белой трясогузки. Прилетев с юга в то время, когда насекомых еще очень мало, она стремится в речную пойму, где мошкара появляется раньше, чем где бы то ни было. Шныряет птица и возле сарая, в нагретой солнцем поленнице — там удается поймать раннюю крупную муху.

В речной пойме, в уютной трещине, на высоком обрыве или в старом ивовом дупле трясогузка устраивает свое гнездышко. Может свить его и на деревянной перекладине под мостом или в брошенной на берегу старой лодке. Близ воды всегда легко добывать корм и для себя, и для будущих птенчиков. Уже в июне птенцы бегают по песчаной косе рядом с матерью. Мать неустанно ловит мошек, козявок и кормит деток из клюва.

Трясогузки, или плиски, как их зовут иногда, — это целый род отряда воробьиных. На земном шаре их 11 видов. В нашей стране гнездятся 5 видов, да еще один — залетный.

Белая трясогузка — птица небольшая, длиной до 18 сантиметров. Когда она бежит по бережку, ее прямой длинный хвост качается вверх-вниз не переставая. Поэтому птицу и нарекли трясогузкой, или трясохвосткой.

Птица не яркая, в глаза не бросается. Лишь приглядевшись, находишь ее наряд изысканно красивым. Мне очень нравится ее спокойное оперение: бело-серо-черное. Все перышки блестят, как посеребрённые.

И голос у трясогузки не громкий, но приятный, звенит, как серебряный коло-

кольчик: «Ци-зи, ци-зю... ци-зи, ци-зю».

К нам на садовый участок белые трясогузки прилетают из поймы реки Сестры. Грациозные, подвижные птички оживляют и украшают садово-огородный пейзаж. Вспорхнет птица, схватит мушку и летит на край бочки с водой. Сядет, глотнет водицы, тут же поднимается — и опускается на дорожку. Бежит быстро-быстро, перебирая тоненькими лапками. Ее длинный хвост и маленькая головка вытянуты в одну горизонтальную линию. Как только птичка остановится, замашет хвостиком, ни на секунду не сбавляя темпа.

Однажды в июне рано утром трясогузка прилетела не одна, а с двумя птенцами. Малышки опустились на землю и немедленно побежали по дорожке, поворачивая головки вправо и влево. Мамаша тем временем взлетела под навес, села на перекладину — и давай долбить деревяшку. Ее маленькая головка так и мелькала.

Я своим глазам не поверил. Не может этого быть, думаю: клюв трясогузки предназначен для ловли насекомых, а не для того, чтобы древесину долбить.

Тут трясогузка вспорхнула и опустилась на дорожку почти рядом с чурбаком, на котором я сидел. Смотрю, птица выбросила из клюва порядочный серый комочек. Вот оно что: трясогузка не деревяшку долбила, как я предположил по неопытности, а извлекала из трещины толстую куколку бабочки. Вытянула и принесла на дорожку.

Выбросив из клюва добычу, мамаша призывно зачирикала. Детки тут как тут. Заработали клювиками, разорвали добычу на кусочки, проглотили — и помчались по дорожке в разные стороны.

В конце лета, соединившись в небольшие стайки, трясогузки улетают от нас в жаркую Африку, в Южную Азию. Рассказывают, что некоторые из них зимуют и на юге Европы, но бывает такое лишь в особенно теплые зимы, когда летают насекомые, иначе птице нечего будет есть.

Прочтем теперь письмо Алексея Егорова: «В школе я сижу за одной партой с девочкой Людой. Она левша. Некоторые мальчишки смеются над ней, а я ее защищаю, говорю, что левша — не порок, а естественное явление. И чтобы мои слова были особенно убедительными, я хочу узнать, есть ли левши среди зверей и птиц».

Дорогой Алексей! Вопрос твой очень не прост. Даже среди этологов — специалистов по поведению животных — идут споры о так называемом левшизме в мире животных. Об этом рассказывает Борис Исаакович Силкин.

КИТ-ЛЕВША И КИТ ПРАВША

Американский биолог Филипп Клапэм с коллегами много лет наблюдал в Атлантическом океане за китами горбачами. У части морских великанов ученые заметили резко выраженные царапины с правой стороны челюсти. Что бы это значило?

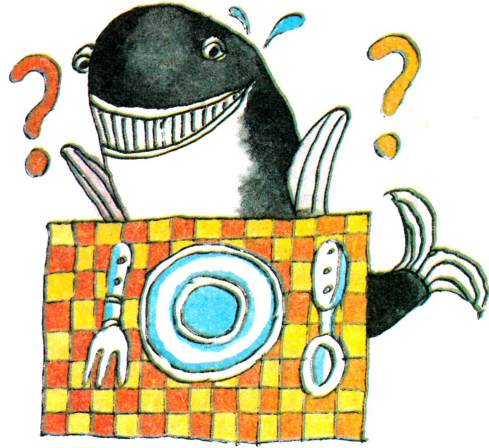
Тут к зоологам присоединилась специалист по неврологии животных. Обратив внимание на такие же царапины у горбачей, она предположила связь характерных повреждений на челюстях с возможным разделением китов, подобно людям, на левшей и правшей.

Дальнейшие наблюдения за китами в море, а также пристальное изучение фотографий великанов, поднимавшихся на поверхность, показали, что царапины с правой стороны челюсти имеются у 75 процентов горбачей. Стало очевидным, что кожа животного повреждается в тот момент, когда кит, плавая у самого дна, ворошит ил, добывая для себя закопавшихся в песке угрей. Исследователи много раз видели, что у всплывающих горбачей челюсти измазаны скользким илом и тиной.

Кормясь у морского дна, кит плывет обычно на боку, так, чтобы рот полностью зарывался в грунт. У всех китов, которых наблюдали биологи, царапины были по одну сторону рта — либо справа, либо слева. Причем у большинства животных поцарапана правая сторона. Очень важно отметить, что некоторых из наблюдаемых горбачей зоологи знали в «лицо» не менее 12 лет. Так что исследователям картина ясна: предпочтение горбачом левого или правого бока во время охоты у дна является постоянным.

И еще. Для кита характерно шлепанье одним из плавников по воде. Оказывается, две трети животных постоянно шлепают одним и тем же плавником, причем три четверти из них — только правым.

Тут надо сказать вот о чем. Многие специалисты по поведению животных счита-

ют разделение на левшей и правшей — подобно способности сознательно создавать орудия труда! — привилегией только человека. Тот факт, что около 90 процентов людей предпочитают действовать правой рукой, рассматривается как доказательство более высокого развития и специализации нашего мозга по сравнению с мозгом животного. Полагают, что передаваемая человеку по наследству концентрация одних функций в правой половине головного мозга, а других — в левой говорит о более эффективном его устройстве, чем у зверей.

Конечно, зоологи давным-давно видели, что и звери отдают предпочтение той или иной лапе. Но они считают, что левши и правши у зверей случайны, а у людей — закономерны.

Специалисты, изучающие китов и считающие, что особи, предпочитающие ту или иную сторону тела, есть не только среди людей, но и среди зверей, все еще пребывают в меньшинстве. Однако к ним присоединился зоолог из Ливерпульского университета, наблюдавший за поведением человекообразных обезьян. Он говорит, что самочка обезьяны носит детеныша чаще на левом боку. Почему? Ученый считает, что правая половина мозга, ответственная за информацию с левой стороны поля зрения, лучше читает выражение на лице детеныша и правдивей сигнализирует матери о его состоянии и нуждах.

А вот чем интересуется Демид Бобрынов: «Есть ли в лесу звери, умеющие танцевать?»

Дорогой Демид! Из всех искусств, которыми располагает человек, искусство танца, пожалуй, самое древнее. Не исключено, что способность изображать руками, ногами и всем телом замысловатые фигуры мы унаследовали от далеких-далеких предков. Тем более, что нечто подобное человеческим танцам наблюдается у зверей и других животных. Об этом рассказывает кандидат биологических наук Петр Александрович Леснов.

КАК ЗАЙЧИХА ТАНЦЕВАЛА?

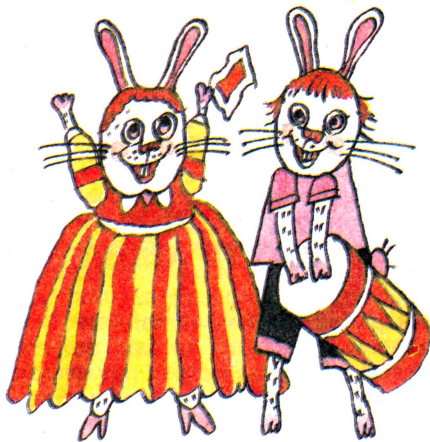
Наиболее интересны ритуальные танцы зверей. Чаще всего звери танцуют при брачных церемониях. Очень занятые пируэты выделывают в это время козлы и бараны. Подпрыгивают, ударяются рогами. Подобные танцы наблюдаются у оленей, лосей, антилоп, особенно у газелей. Самцы газели показывают свое искусство парами: встретившись друг с другом, поднимаются на задние ноги во весь рост и ударяются рогами.

Изумительно танцуют лошади и опять-таки парами. Легонько прижимаются друг к другу, а затем, слегка покачиваясь на ногах, проделывают головами ритмичные движения, причем в такт. После нежного танца животные замирают и, обнявшись, могут долго стоять, боясь пошевелиться.

Фигуры, которые звери проделывают во время танца ногами, хвостами, головами, настолько разнообразны, интересны, что не любоваться зрелищем невозможно.

В танцах народов разных стран есть немало элементов, заимствованных у животных. Не нужно далеко ходить. Достаточно обратить внимание на старинные танцы русских мужиков. Среди прочих колен, стремительных и вихревых, очень ясно вырисовывается вялое притопывание ногами, заимствованное скорее всего у медведя, который, танцуя, поднимается на задние лапы и лениво притопывает.

Как повеет теплом, зазеленеют лесные полянки, зайцы начинают весенние игры. Вот встретились зайчиха и заяц. Взoshли на чистый бугорок, сели рядышком. Утреннее солнышко начинает пригревать спины. Вид у зверей затрапезный после трудной зимовки — ободранные, худые, шерсть висит клочьями. Но зайчишки не

унывают: трудности позади, впереди прекрасная пора.

Тут зайчиха слегка подпрыгивает, как бы приглашает кавалера на танец. Он вскакивает на задние лапы и, прихлопывая передними, очень ритмично ими подергивает, трясет головой, задирая морду кверху, а длинные уши при этом как бы прихлопывают в ладоши.

Милое письмо прислала Галина Фоменко: «Мои морские свинки живут в пластмассовых коробочках, не вылезая. Один Яша преодолевает барьер 10 сантиметров и бегает с утра до вечера по квартире. Он упитанней, крупней других, резвей и, мне кажется, умней. Услышав на кухне стук, Яша бежит туда со всех ног и замирает, открыв ротик, стараясь что-то понять. Некоторые звуки его интересуют особенно: шум холодильника, стук молотка, звонок в квартиру. Когда звонят в дверь, Яша мчится ко входу встречать гостя. Каждого осторожно обнюхивает, просится на руки. Он очень дружит с нашей Юлей (ей 4 года). Она с трудом взваливает на диван Яшу, который чуть меньше нашей копки. Они садятся рядом, Юля берет в руки с десяток открыток, которые мы ей подарили. Одну показывает Яше: понравится или нет? Яша сидит важный, неподвижный, работает лишь кончик носа. Юля сует ему еще две открытки — зверек неподвижен. Показывает четвертую. Яша срывается с места, надкусывает открытку. «Понравилась!» — кричит Юля и отдает открытку Яше на съедение.

А теперь я хочу узнать, почему морская свинка любит есть бумагу?»

Дорогая Галина! Когда морская свинка доходит до такой жизни, что вынуждена грызть бумагу или старую калошу, это значит, что в ее пище чего-то не хватает. Возможно, хитина, фосфора или витаминов. О том, как наладить сбалансированное питание зверька, рассказывает Анна Васильевна Демидова.

МЕНЮ ДЛЯ СВИНКИ

Считается, что морскую свинку можно кормить всем, что под руку попадается. До какой-то степени это верно, но все же надо отдавать предпочтение сырой растительной пище.

Старайтесь угощать зверька кусочками фруктов, давать тертую морковь или любые другие овощи: свеклу, тыкву, кабачок. Непременно кормите их сочными листьями. Но кладите в кормушку столько корма, сколько зверек в состоянии съесть, чтобы овощи и фрукты не засыхали. Зелени и корнеплодов одному зверьку достаточно 80—100 граммов в сутки. Необходимо и зерно — 40—50 граммов ежедневно. Любое зерно. Лишь бы оно было в оболочке, не молотое. Крупа лишь частично заменяет зерно. Хорошо давать каждый день 3—5 семечек подсолнуха. Зимой можно предложить свинке размоченный в молоке белый хлеб и нежирный творог. Не забывайте добавлять в пищу толченныe в порошок мел или яичную скорлупу.

Очень часто ребята спрашивают, почему грызуна зовут свинкой, да к тому же — морской? Уже не в первый раз я отвечаю, что к морю зверек не имеет никакого отношения.

Родом он из Южной Америки, ее северной части. Обитает на суше. Давным-давно индейцы, приручив зверька, разводили его как маленькую домашнюю свинью, очень симпатичную и плодовитую. В XVI веке почти что ручного зверька увидели европейцы и привезли из Америки к себе домой. Так как зверек прибыл из-за моря, его нарекли свинкой заморской. Со временем приставка «за», как лишняя, отпала, и грызуна зовут теперь морской свинкой.

А теперь, ребята, вам предстоит ответить на вопросы.

1. Апрельским вечером в сумерках низко над лесом летят серые птицы, приговаривая: «Хорк, хорк, хорк». Давно замечено, что пернатые постоянно держатся одних и тех же путей, будто для них проложены в воздухе невидимые тропинки, с которых они не смеют сворачивать. Воздушные тропинки идут над лесной опушкой, вдоль лесной колеи, от полянки к полянке или от одного самого высокого дерева до другого, тоже высокого. Их полеты в сумерках над лесом и хриплые голоса имеют тот же смысл, что и весенние игры бекасов или тетеревиный ток. Какая птица летит над лесом?

2. Большущее блестящее зеленоватое насекомое можно встретить у навозной кучи, у помойки, у неубранных кухонных отходов. Может оно залететь на даче на столик под яблоней, где стоит тарелка с вишней или крыжовником. Поползет по ягоде, найдет особенно спелую, с трещиной в кожице и вытянутым трубочкой хоботком начнет пить сладкий сок. Это насекомое очень опасно: разносит брюшной тиф, дизентерию! Если посмотреть через сильную лупу на оставленные следы, то видно, как кишмя кишат микробы. Это противное насекомое, не заслуживающее пощады. Как его зовут?

До свидания, ребята! Жду ваших писем.

Ваш Главный Почемучка

К питонам относится и очень редкая змея, обитающая только в Австралии и Новой Гвинее. Это ромбический питон, аргус. Еще его называют ковровой змеей. Он необычайно красив: общий фон тела черный с голубоватым оттенком, по нему разбросаны ярко-желтые или оранжевые ромбической формы пятна, давшие название этому виду.

Кстати, «аргус» значит по-гречески не только «блестящий, сияющий», но и «быстрый, проворный».

Мифографы полагали, что Аргус отличался необыкновенной силой. Ему приписывают убийство чудовищного быка, посадившего жителям Аркадии, а также притеснявшего и грабившего их Сатира. Поговаривали, что именно Аргус прикончил и полуженщину-полузмею Ехидну, похищавшую путников.

Что ж, видимо, природная сила также роднит охранителя Ио с питоном. Хотя ковровой змее бык явно «не по зубам».

Ромбический питон имеет относительно небольшие размеры, обычная его длина — около двух метров. Он хорошо живет в террариумах, быстро привыкает к людям, но в условиях неволи продолжительность его жизни небольшая — до четырех лет.

В Австралии ковровая змея охраняется законом, созданы специальные национальные парки и заповедники. Запрещен ее отлов и вывоз за пределы материка.

АРГУСЫ-РЕПТИЛИИ

Ковровую змею можно встретить в различных местах: от полупустынь до влажных лесов. В последних питон ведет полудревесный образ жизни. При лазании по ветвям рептилии помогает длинный цепкий хвост. Кормится питон мелкими сумчатыми млекопитающими, а также птицами, змеями и ящерицами. Пришлись ему по вкусу и расплодившиеся в Австралии кролики. Нередко в амбарах и на скалах он ловит крыс.

Самка, как и у других видов питонов, охраняет кладку крупных белых, слегка вытянутых яиц (25—40 штук) в течение всего срока инкубации, который длится около 70—80 дней.

К классу рептилий относится еще один вид, носящий имя «аргус», — это монгольская ящурка. Она так же, как и ковровая змея, названа в честь мифического великана за пятнистый рисунок на теле. Туловище ящурки окрашено в серовато-оливковый цвет, а вдоль тела идут несколько продольных ря-

дов, состоящих из белых «глазков», ограниченных черными окружностями. Глазчатый рисунок и у ящурки, и у питона помогает им маскироваться. Он «разбивает» тело животного на отдельные фрагменты, и рептилии становятся менее заметными. Все ящурки (а их около 45 видов) распространены в юго-восточной Европе, Африке, а также в Передней, Средней и Центральной Азии. Эти рептилии никогда не встречаются среди древесной или кустарниковой растительности. Они предпочитают открытые ландшафты: песчаные и глинистые пустыни, каменистые предгорья, сухие травянистые степи.

В нашей стране монгольская ящурка обитает на каменистых участках южных районов Бурятии. Это мелкая рептилия: ее длина всего около шести сантиметров. Ящурка очень быстра и подвижна: скорость — ее единственное спасение на открытом месте. При опасности стремительно убегает, стараясь скрыться под камнем, сучком или в норке. Питается монгольская ящурка насекомыми и пауками. Из отложенных самкой яиц в конце июля — августе появляются малыши.

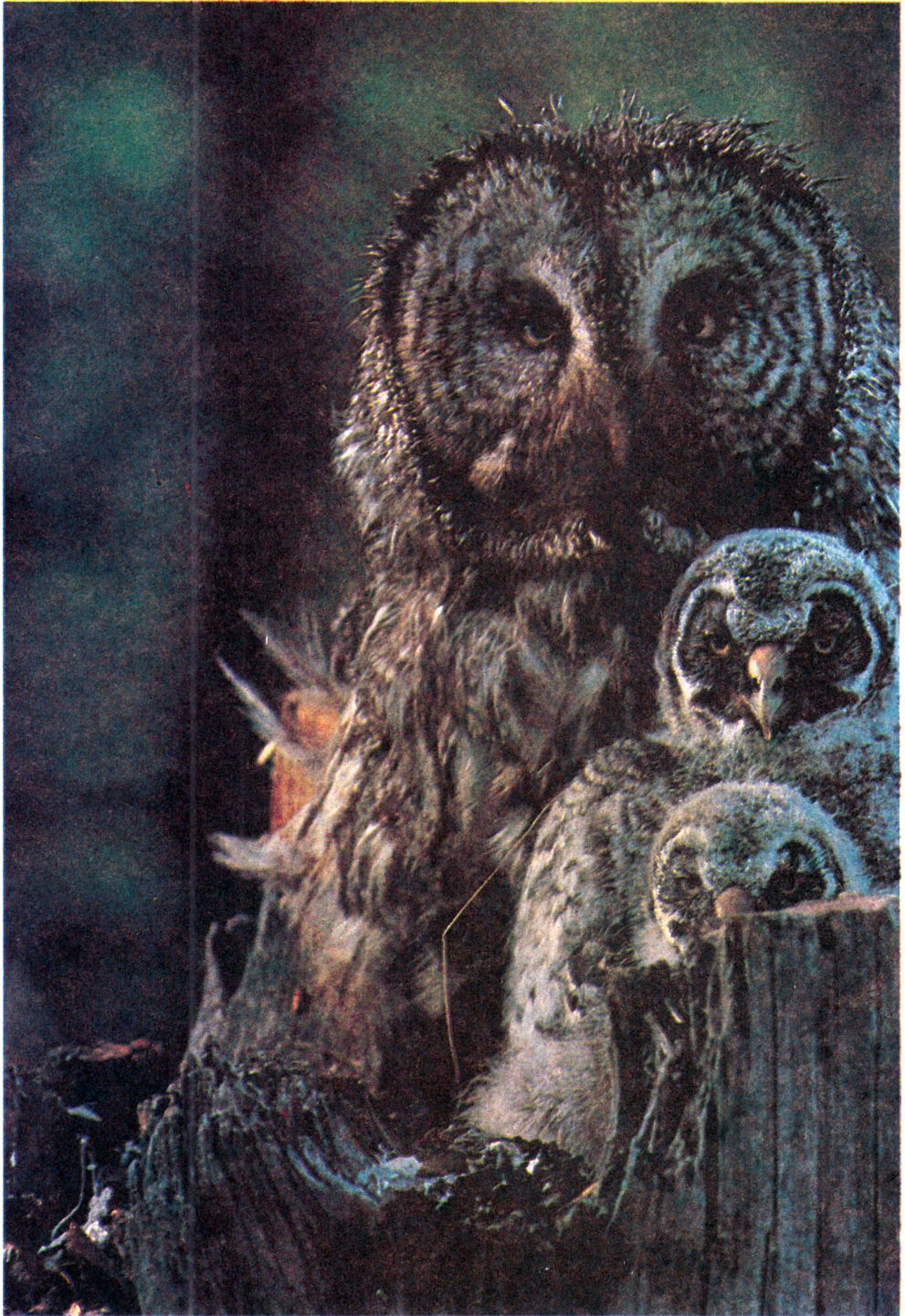
В. АЛЕКСЕЕВ,
В. БАБЕНКО,
кандидаты биологических наук

И. ДАНИЛЕВСКИЙ,
кандидат исторических наук

Рис. Л. Насырова

ВЛАСТЕЛИНЫ КРОМЕШНОЙ ТЬМЫ

Солонец оказался старый. В косогоре звери выели большой «карьер» в светлой глине, рядом деловито журчал ручеек, истекающий в просторную черную лужу, густо перетоптанную зверями, а воздух был терпко напитан настоем сероводорода, хлора и чего-то еще, знакомого по курортам с минеральными водами. Нарзанными и родоновыми.

Кто-то уже давно продуманно устроил здесь в верхней части раскидистой кроны могучей лиственницы лабаз. На стволе для взбирания была набита своеобразная лестница из толстых поперечных поленьев. Забравшись по ней, мы оказались на удобной и уютной площадке из настеленных в трехствольной развилке жердей, поверх которых лежал ворох веток и травы.

Расположились довольно сносно. Лежа на животе, мы хорошо видели и солонец, и подходы к нему. Поодаль величаво громоздилась в небо стена уссурийской тайги, над которой просматривались таежные горы.

Приготовили трехбатарейный фонарь, я вооружился биноклем, который в темноте особенно помогает видеть. И затаились в нетерпеливом ожидании чего-то особенного.

Пожелтевшее и поостывшее солнце устало падало за ближнюю гору. Было так тихо, что тонкие нити мха висели на ветвях совершенно неподвижно. Быстро стихало птичье разноголосье, под нами густел комариный гул, звонок и тоненько переливалась вода в ручейке. Недалеко гнусаво прокричала пробудившаяся неясить, и снова стихло. Спешили к своим гнездам и убежищам дятлы, сойки, синицы. Над макушками деревьев протянула крыло в крыло супружеская пара воронов, перекликаясь вполголоса и изредка

оповещая о себе округу негромкими, но далеко разлетающимися: «Крр-кру-ук-крр-рок».

Дневная жизнь леса замирала вместе со светом, а одновременно пробуждалось и входило в силу царство ночной тьмы со звездами, луной и совами, да еще теми зверями и птицами, которым ночное бодрствование навечно предопределено природой или которые не переносят летнего дневного зноя, а еще теми, кто считает кормежку в наше очень беспокойное время ночью безопаснее.

В густеющих сумерках вдоль стены леса бесшумно заметался темный острокрылый силуэт невесты откуда взявшегося здесь козодоя. Он то взвизывался к вершинам деревьев, то на бредущем полете прочесывал сквозящий воздух леса и пространство солонца, а один раз пролетел от нас так близко, что был виден его широко раскрытый для лова насекомых клюв. На грязь уселся вальдшнеп. В бинокль было хорошо заметно, как он с минуты вертел головой с высоко, к затылку поднятыми большими глазами и длинным, как шпага, носом, потом потыкал этим носом вокруг себя и азартно вонзил его в мякоть земли чуть ли не целиком. Но ему не удалось вдоволь поблаженствовать, кто-то помешал. В какое-то мгновение он испуганно пискнул и метнулся прочь.

И вот над солнцем медленно и величаво замахал метрово большими крыльями лесной филин. Знал ведь его давно, а удивился: такая громадина, а полет бесшумен. Облетев «средоточие жизни» как свою обитель, он уселся... на нашу лиственницу. Метрах в пяти пониже. И вот тут-то я этого разбойника разглядел в подробностях. Хорошо было видно его рыхлое пестрое черно-буро-рыжее оперение, с широкими темными продольными пестринками и тонким поперечным рисунком, «рожки» на большой голове, го-

лубой клинышек надклювья, плоское глазастое «лицо» с маленьким, хищно загнутым ядовито-острым носом. Он внимательно осматривался, ворочая головой на все три четверти круга в одну сторону и в другую, но не догадался взглянуть наверх. И каким-то странным образом из-под кустистых бровей светились янтарем его огромные, почти как блюдца, круглые глаза с большими зрачками. Гипнотически выразительные, завораживающие. И так ощутимо исходили из его тела биотки мощи, отваги и уверенности.

А Федя как будто забыл про солонец. Он осторожно достал флягу и, нацелившись, озорно пустил струю воды на нежданного гостя. Тот испуганно шархнул, прокричал: «Квк-е-к, кве-е-к-кве», и уже издали, справившись с позорным для короля испугом, завопил, зарыдал, застал, дико захохотал, да так громко и жутко, что я посмотрел на Федю с укором.

А я, должно быть, в тысячный раз вспомнил ту очень давнюю ночь у костра с другом, когда эта птица дала нам предельно четкие представления о настоящем страхе.

Есть у филина-пугача как бы двойник: рыбный филин. Еще более редкая, тоже громадная и сильная сова, в нашей стране теперь обитающая лишь в Амуро-Уссурийском крае. До недавней поры эта воистину таинственная птица была совсем слабо изученной.

Во время многолетних экспедиций по приморским горам и лесам в 60-х годах ночами мне приходилось слышать незнакомые и вроде бы на что-то похожие странные крики: «Ба-ууу, хуу-гуу», «гыбыы-ыыы». Глухие, но сильные и глу-

Бородатая неясыть — самый крупный вид из всех неясытей.

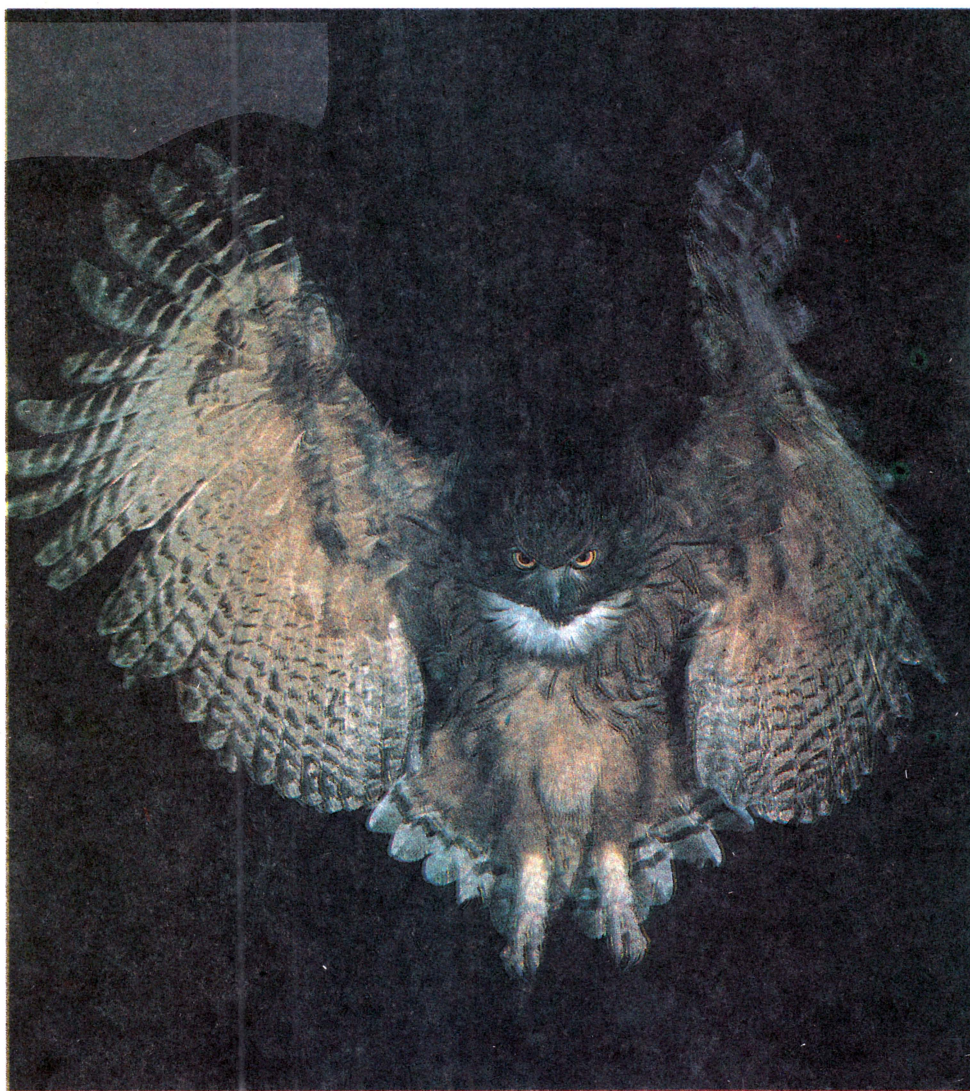
хие, катающиеся под звенящим небом на долгие километры. Невольно заставляющие сердце стучать почаще, задуматься и память напрячь. Но потом я догадался: рыбный филин.

Что я знал о нем тогда? Я и мои коллеги по экспедиции? А сущую малость: весом до трех-четырех килограммов, с размахом крыльев около двух метров, окрасом пера серовато-охристобуроватым, но с тонким темным поперечным рисунком и продольными полосами — широкими на спине и узкими спереди... Глазищи, клюв, когти — как у собрата. Правда, лапы у него, как у истого рыбака, рыбой и живущего, не оперены, а пальцы с боков и снизу усеяны мелкими острыми шипами, как и у другого заядлейшего пернатого рыбака скопы. И у белохвостого орлана тоже.

И еще знали: обитают в речных долинах, гнездятся поблизости от воды, чаще всего в сухих дуплах старых деревьев. Однолюбы и верные супруги. В кладке два, реже три яйца, птенцы становятся на крыло в двухмесячном возрасте, и еще почти столько же постигают от родителей премудрости очень непростой ночной рыбалки и ночной жизни... Вот, пожалуй, и все. Более чем скромные познания. И потому такие поверхностные, что в учебниках и орнитологических книжках о дальневосточном гололапом филине писалось тоже совсем мало.

Изучать ночных птиц, особенно таких редких, как филин, безмерно трудно. И чем реже птица, тем тяжелее постигать ее жизненные устои. Особенно, когда обитает она в труднодоступных местах. За эту работу берутся не просто талантливые, но и мужественные притом исследователи. Такие, как Юрий Болеславович Пукинский — известный ленинградский орнитолог, писатель и фотограф.

Рыбного филина он упорно искал на рассекающем горно-таежный Сихотэ-Алинь Бикине. Искал много лет. Одно лишь жилое гнездо этой громадной и таинственной речной совы он разыскивал три полных полевых сезона — с весны до осени. По его собственному выражению, на эти поиски ушла тысяча и одна бессонная ночь, немало из которых оказывались не просто трудными, но и очень тревожными: то было в царстве тигра и медведя. А успехом поиски разрешились весной 1974 года.

Бурый рыбный филин — птица оседлая. Обитает вблизи водоемов и питается, как свидетельствует его название, рыбой, а также раками, крабами, резе — птицами, змеями, лягушками.

Есть у Пушкинского занимательная книга о том, как он искал рыбного филина: «По таежной реке Бикин». Там обо всем, что удалось ему о жизни этой птицы узнать, написано живо и занимательно. О том, где, когда и как она гнездится, какие звуки издает, как ведет себя в семье, чем

и как пробавляется. Очень советую прочесть эту полную романтики и приключений книгу. Мы же обратимся к обещанию рассказать об интересных и своеобразных совах — неяснях.

В Амуро-Уссурийском крае водятся их два вида: длиннохвостая и бородатая. Хищники тоже внушительных размеров. А рассказать о них я решил потому, что встречался с ними, подолгу и часто работая в тайге, многократно и, пожалуй, чаще, чем с другими совами. И эти встречи раз от раза все больше настраивали

Бородатая неясыть — обительница хвойных лесов Евразии и Северной Америки.

меня против неясытей, которых звал разбойниками. И, как мне кажется, поделом.

Эти совы, как, впрочем, и другие, обладая просторным зевом, широким пищеводом и объемистым, очень эластичным желудком, отправляют добытое обычно целиком. В пере и волосах, со всеми внутренностями, со всеми костями. И отправляют заведенно, ничтоже сумняшеся, твердо зная и веря, что со всеми остальными заботами безукоризненно справится нутро. И крепчайший желудочный сок растворяет все мало-мальски съедобное, отходы же плотно прессуются и по мере их накопления отгрыгаются в виде погадок. Как и у ряда дневных хищных птиц. И вот эти погадки раскрывают все тайны совиной жизни.

Разумеется, «отрыжек» больше всего скапливается там, где хищница долгими часами днюет. А предпочитает она для

Совята появляются на свет опушенными, но слепыми и с закрытыми ушными отверстиями. На фото — однодневные птенцы совы.

отдыха приметные возвышенные объекты, с которых далеко и хорошо все видно. Мне чаще всего приходилось собирать погадки сов под одинокими большими засохшими деревьями посреди просторных полей и марей. В зимовье я их оттаивал, размачивал в специальной посудинке, осторожно промывал, а потом иглой разбираю, для надежности рассматривая отмытое в лупу. И устанавливал принадлежность волосков, перьев, зубов, косточек. И скажу я вам — интересное это занятие.

Обычно неясыти внимательно следят за таежным людом, и обследуют они промысловые путики, быстро усвоив, что самолеты вдоль них «заряжены» вкусными приманками и что в хитроумных «машинках» нет-нет да и повиснет неосторожный или оплошавший зверь да птица. И становятся наглыми грабителями.

По своему опыту свидетельствую: за охотничий сезон одна неясыть «присваивает» себе, а точнее — уничтожает столько пушнины, что на ее стоимость в США или Канаде можно купить несколько вагонов первосортной пшеницы. А сколько пушных зверьков охотник недобирает из-за того, что эти разбойники расстораживают капканы и сжирают приманку!

И вот осматривая свои путики, находить погадки неясыти приходилось довольно часто. Что в них обнаруживалось? Разумеется, в основном волосы мышшей, полевок, сеноставок, перья разных мелких птиц. Но и мех белок, соболей, колонков, зайцев не оказывался редкостью. Сама же она не стоит и одного из них. Разумеется, речь идет о таежных неясытях, однако мне что-то не приходилось видеть их у полей с зерновыми.

И на этом основании я в свое время не раз заявлял: неясыти должны быть исключены из перечня охраняемых законом птиц, всех сов чохом охранять нет оснований. В этом вопросе необходим дифференцированный подход: какая сова, где обитающая... Будь моя воля, объявил бы неясытей в промысловых угодьях вне закона. Мышевидных грызунов истребляет? Но таежные мыши сельхозпродукцию нам не сберегают, и, наоборот, сами они составляют корм дорогих пушных зверей.

Сколько раз бывало: подходишь к «шалашику», а в капкане обрывки растерзанного и сожранного неясытью соболя... А там — другого. А две хорошие соболиные

шкурки на международном рынке равноценны легковому автомобилю...

Но нередко бывало и другое: в капкане нашла свой конец сама разбойница. Иные были живыми. Притаившись, они давно поджидали приближающегося человека. А когда тот подходил к ним в упор — прыгали, крыльями махали, покрикивали... Так что были у меня возможности и хорошо рассмотреть этих таежных ночных разбойниц и «пощупать».

Длиннохвостая и бородатая неясыти похожи и размером, и сложением, и окрасом пера. Размах крыльев у бородатой

под полтора метра, у длиннохвостой чуть поменьше. Кстати, хвосты у обеих длинные. Сидящая, а особенно летящая неясыть создает впечатление очень большой птицы, однако веса в ней маловато: до килограмма у длиннохвостой и на двести граммов больше у бородатой. Но и этого им хватает для одоления втрое более тяжелого зайца или глухаря.

Окрасом они обе маскировочно-серые, только бородатая потемнее за счет буризы и большей густоты продольно-поперечного рисунка... Не станем утруждаться деталями сходства окраски этих сов и различий. Достаточно запомнить, что у бородатой неясыти черно-бурое горло очень напоминает бороду. Потому так и называется.

Филины — птицы ночные и сумеречные. На Севере охотятся и днем. К группе филинов ученые относят самых крупных сов.

...И снова память подсказывает. Коро-таешь, бывало, холодную зимнюю ночь у костра, и вдруг на краю света немо зама-шет большими широкими крыльями, за-носится бесшумной тенью недобрая пти-ца. На тебя черными глазищами свет огня отражает и так внимательно разглядыва-ет. Узнаешь: неясыть. И станешь за нею следить. Как она охотится за собравшей-ся на тепло мышвой... Поразительно лов-ко и метко охотится... Тоже ведь совер-шенство.

Впрочем, каждое существо должно уметь что-то делать лучше других.

Давно, как мне кажется, знаю и повад-ки, и охотничье мастерство неясыти, а все удивляюсь... Вот присела она на сук метрах в пятнадцати от меня и застыла, настраиваясь на звуковую волну мышино-го писка, в деталях разглядывая при этом бело разостлавшуюся перед нею поляну. И пусть трещит костер, пусть ветер гудит в сопках и еще не застывший ключ рядом громко бормочет да булькает, охотница непременно услышит и наиточнейше засе-чет тоненький писк полевки или шорох под снегом. Засечет и — атакует ее, невидимую. И так прицельно атакует, что сомневаться в успехе одной и гибели другой не приходится. Ведь совиный слух уникален не только удивительнейшей чув-ствительностью, но еще и тем, что безошибочно определяет и направление на источник звука, и расстояние до него. Так он устроен — удивительный слуховой аппарат совы.

Я не люблю неясытей с тех пор, как «познакомился» со сказочной ненасыт-

В первый полет молодые филины отправля-ются в возрасте более 3-х месяцев.

ной Неясытью. Между прочим, почти все птицы сов не любят. Особенно певчие и вороновые. А дневные хищники их, осо-бенно крупных, ненавидят. Ястреб-тете-ревятник, заметив неясыть, не преминет ее решительно атаковать и — до скорой победы.

Но я не люблю неясытей не только за ее наглые грабежи, а и за ночные хулиган-ства. Кричит она столь же душераздира-юще, как и филин-пугач. Недаром же Владимир Иванович Даль так и написал о неясыти: вид пугача филина.

...Как только стугаются сизые таежные сумерки и тишина заворожит вселенную, стылый затаившийся мир вдруг разорвет жуткие крики. Это самый нетерпеливый самец неясыти первым подал о себе знать. Он то дико захохочет и заулюлюкает, то разбойно засвищет, то зарыдает... А эхо подхватывает эту звуковую оргию и носит ее из края в край окоема.

Да, я не люблю неясытей. И думаю, что в этом чувстве не одинок. Ведь и в словаре Даля записано об этой птице: сказочная, прожорливая, ненасытная. И ненасытно жадного к пище и богатству человека в прежние времена тоже звали неясытью.

С. КУЧЕРЕНКО,
кандидат биологических наук
Фото Б. Нечасва и
В. Полтанавичюса

Дорогие друзья!

Увидев белобоких сорок по обеим сторонам наше-го традиционного обращения, вы, конечно, сразу догадались, что речь пойдет о продлении подписки на «Юный натуралист» на второе полугодие. И не ошиблись! Не станем напоминать, что индекс журна-ла прежний — 71121, что подписка принимается в любом отделении связи. Все это вы прекрасно пом-ните! Остается лишь, не откладывая на завтра, собраться на почту и отправиться вместе с «Юным натуралистом» в полугодное путешествие в пре-красный и загадочный мир Природы.

Не мешкайте, пожалуйста.
Заранее благодарны.

Редакция

Рис. В. Горячевой

Записки натуралиста

ХРАБРАЯ БЕЛКА

Чудесное время весна! Чист и прозрачен воздух. Далеко слышны голоса птиц, отчетливо разносится по лесу торопливый стук дятла. А над синими ручейками, зелеными кочками, мхами и папоротниками бегают в кронах могучих елей белки

Отыщет пушистая шустряга шишку и не спеша, просунув зубки-резцы в щель, как стамесочками, срежет ими чешуйку. Хруп — и готово: семечко само лезет в рот, радуя зверька свежестью и необыкновенно нежным смолистым ароматом.

Я стою под разлапистой елью и в бинокль наблюдаю за знакомой мне белочкой. У нее милая усатая мордочка, большие черные глаза, уши кисточками и такой пушистый хвост, какому может позавидовать даже лиса.

Но вот, бросив стержень шишки, белка устремилась от гнезда в сторону ручья. Она несет в зубах клочок лишайника и оттого похожа на седобородого гнома.

Годом раньше я с этого же места наблюдал за парочкой маленьких пушистых бельчат. Неужели и на этот раз у белки-мамы только два малыша?

— Но — тсс! Хозяйка-то уже у гнезда. Она встала на задние лапки и, убедившись, что поблизости никого нет, вынесла из своего уютного домика малыша.

Бельчонок был рыженьким, чуть больше бурундука и почему-то с белым хвостиком. Вымазан у него хвост, что ли? Или вправду белый? Трудно сказать...

Белка оставила малыша на ветке, а сама вернулась в гнездо.

Бельчонок встал на задние лапки, как суслик у норы, и закачался. Казалось, он вот-вот упадет на землю. Ему было страшно и любопытно. Он впервые увидел лес, солнце, деревья... Глазенки моргали, малюсенькая мордочка крутилась из стороны в сторону.

Но вдруг... Вдруг по бельчонку, сидевшему на солнышке, промелькнула тень.

«Уж не ястреб ли это? — подумал я. — А чем же занята взрослая белка? Неужели она забыла про своего малыша? Ну и

разиня! Ну и растяпа!» — ругал я мамашу, выбираясь из-под деревьев.

И тут я увидел над верхушками деревьев ворона. Он заметил бельчонка и, видимо, решал, как бы его сцапать.

Вот ворон, остановив взмах широких крыльев, резко бросил себя вниз и снова раскрыл их метрах в трех над бельчонком. «Сейчас он опустится еще ниже, — мелькнула мысль, — и схватит малыша! Ну уж этому не бывать!»

Я вскинул ружье.

И чудо! Выскочившая из гнезда белка, мелькнув красной лентой в воздухе, ударила лапками, всем своим легким телом зависшего над малышом ворона в бок.

Не удержав равновесия, тот, перевернувшись через голову, стал падать на землю и только с большим трудом, выровняв у земли крылья, опустил на пень. И, взъерошив перья, гневно защелкал клювом.

«Ну обожди, рыжая сатана! — казалось, возмущался ворон. — Дай только мне прийти в себя. Я покажу тебе, как нападать на старого беззащитного ворона!»

Долго разбойник не мог успокоиться. Видно, не только у людей, но и у птиц характеры бывают разные.

На следующее утро я подошел к Борькиной роще чуть свет: не терпелось узнать, как чувствует себя бельчья семья после вчерашнего происшествия.

Но ни у гнезда, ни вблизи его никого не было.

— Хозяева дома? — крикнул я.

Из бельчьего гнезда выскочил поползень, пискнул: «Цыть-цыть!» — и улетел.

Вот так раз: я пришел поздравить белку с победой, а на меня цыкают! Где же хозяева гнезда? Неужели стали добычей ворона? А может, белка со своим малышом переселилась в другое место?

Домой я возвращался берегом ручья. И здесь, у сторожки лесника, увидел на осине бельчонка с белым хвостиком.

Так вот куда белка спрятала своего детеныша! Подошел ближе. Место было открытое, и последние 15–20 метров я чуть дыша прошел от дерева к дереву,

останавливаясь и прячась за стволами сосен.

— Урал Белки около малыша нет!

Я быстро забираюсь под орешник и только тогда замечаю, как из-за осины за мной пристально следят черные глаза.

Через куст, через канаву отхожу я в сторону избушки лесника. Зацепился за сук, да — кубарем. А из-за осины за мной продолжают следить белочки глаза. И до того смешная мордочка у их хозяйки, что тоже начинаю улыбаться. А про себя думаю: «Тревожить зверька, у которого малыш чуть было не побывал в когтях смерти, больше нельзя».

Ю. ГАЛКИН

ПОГРЕБНОЙ ВОРИШКА

Пришлось мне как-то вести расследование по поводу таинственной пропажи картошки из погреба на даче приятеля — выслеживать неизвестного похитителя.

Шел апрель. Земля уже оттаяла и отогрелась, немного проявилась сверху, и на сухих местах можно было пахать. В общем наступили дни, когда у огородников и садоводов нетерпеливые ожидания сменяются нелегкими, но приятными хлопотами: копать, сажать, сеять. И тут — неприятность: кто-то в надежно запгертом погребе переполовинил запас семенной картошки. Та, которая была ссыпана для еды, почти кончилась, потому что урожай прошлого года был не из щедрых. А отборные семенные клубни лежали отдельно, в другом углу. Никто, конечно, не считал, сколько их было в том ворохе, но весной и на глаз стало заметно, что ведра на два куча убавилась. И никаких следов взлома. Норы, чтобы на крысу подумать, тоже не было. Не было и надкусанных клубней. Да и место совсем не крысиное. Но на полу осталось немного свежей глиняной крошки, в которой попало несколько небольших картофельных огрызков.

Я узнал об этом происшествии, когда приехал на дачу привить новые сорта вишни и сливы. Это заняло всего полчаса, а у приятеля дел было еще на полдня, и можно было устроить засаду на похитителя картошки. Я взял табуретку, пачку свечей и спустился в погреб, решив ждать вора, пока хватит свечей. Зажег первую, поставив ее на землю, в накрошенную глину возле картошки. Глаза быстро при-

выкли к слабому свету: можно было даже разглядеть двух комаров на кирпичной стене. Медленно брела, семена дюжиной ножек, серая мокрица. Догорала вторая свеча. Никто не появлялся в погребе, и к концу зимы он остыл основательно. Начали зябнуть ноги, руки и спина, и очень хотелось вылезти на весеннее солнышко. Да и хозяин, видя тщетность моего сидения в холодной яме, уже раза три приглашал к столу с горячей рыжей картошечкой. Ведь неизвестный похититель мог быть ночным животным и подчиняться только своим внутренним часам. Оставалось только сдаваться. Но...

...Рядом со свечой совершенно бесшумно открылась нора. Я и не заметил, как это произошло. Просто образовалась в полу дыра, и оттуда высунулась круглоухая голова хомьяка с черными бусинками глаз на усатой рыжей мордочке.

— Так. Это сколько же картошки ты перетаскал отсюда за зиму?

Зверек без всякого внимания посмотрел на мой сапог, вылез из норы целиком и неторопливо подошел к вороху. Он не выбирал, а просто, припав к полу, вонзил зубы в ближайший клубень и начал с легким хрустом откалывать от него кусок за куском и словно проглатывать их, не разжевывая. Свет от свечи падал так, что хомьяк был освещен только сзади, и лишь когда он принялся за второй клубень, стало видно, как его перекособочило: голова, шея и бок с правой стороны раздулись, как от чудовищной опухоли. Но второй защечный мешок был еще пуст, и в него едва ли не за минуту вошла вторая картофелина. Это ноша словно бы придавила зверька к земле так, что не стало видно передних ног.

Пока хомьяк набивал мешки, я, не шевелясь, говорил ему что-то для него обидное и укоризненное, смеялся. Но у пестрого воришки было завидное самообладание, и человеческий голос был для него пустым звуком. Лишь перед тем, как направиться к норе, он бросил на меня мимолетный взгляд, словно разрешая забрать остальное: я, мол, сюда последний раз прихожу. Но скорее всего мне показалось, что наши глаза встретились на мгновение.

Пролезет или не пролезет он такой в нору? Ведь две картошки за щеками, а вход-то не сделался шире. Подумалось, что хомьяк сначала выплюнет все куски в дыру, а потом спустится следом сам. Но

воришка стал затискиваться в свое жилище как был. И тут я, не удержавшись, потянул хомяка за заднюю лапу, а дыру прикрыл сапогом. Зверька эта выходка немного озадачила, но не напугала и не смутила. Он попытался пролезть под сапог. Не получилось. Тогда хомяк быстро вытряхнул из мешков все до кусочка и вознамерился запустить зубы в сапог. «Ладно, — говорю, — забирай все, что нагрыз, и — домой».

За обедом моему рассказу удивились. Никто и не знал, что такое настоящий хомяк. Посмеялись. А приятель посетовал, что дал я уйти воришке безнаказанно: Но все же решил всю семенную картошку вытащить наверх: пусть греется и прорастает перед посадкой. А ту, что осталась для еды, сложил в сетки и подвесил на капустных крючьях под потолок. Лишив хомяка добычи, обиду ему не простил и вознамерился во что бы то ни стало хоть как-то наказать или проучить, прутиком постегать или припугнуть всерьез. Мне ничего не сказал, а я не догадался предупредить его, что хомяк не из трусливых и за себя постоять сумеет.

Оставив в уголке несколько клубней, хозяин со свечкой стал ждать голодного хомяка. Как рассказывал он потом, то было удивительное зрелище: зверек, похрустывая сочной картофелиной, раздувался, будто его накачивали насосом. А когда он, припадая к полу, пошел к норе, приятель, решив, что воришке голову не повернуть ни вправо, ни влево, смело ухватил его поперек, словно это не живое существо, а толстый огурец.

Но у хомяка кожа «пришита» к телу так же, как и у слепыша: на морде да на лапах возле пальцев, и крутиться в ней он может, как в свободном балахоне. Мигом вытолкал он добычу из мешков, извернулся, и острые хомячьи зубы сошлись на руке. Заточенные резцы были настолько остры, что боли сначала и не было, но кровь из сквозной ранки потекла двумя ручейками. Оплошавший охотник бросил зверька и стал перетягивать руку носовым платком, а хомяк быстро-быстро юркнул в нору, не забыв, однако, забить глиной раскрытый ход. И когда приятель опомнился, на месте дыры было чуть заметное углубление.

Все лето в тот погреб опускали только квас, и о хомяке стали понемногу забывать, а сам он о себе больше не напоминал.

Л. СЕМАГО

КАРКУШ

Недавно я переехала на другую квартиру. В первый же день обратила внимание на то, что на балкон несколько раз прилетал ворон. Садился на спинку стула, вертел головой, глядя на окно, словно прислушивался к чему-то. Потом спрыгивал, торопливо заглядывал во все уголки, будто что-то искал. Не найдя, взмахивал крыльями и улетал. В один из прилетов ворона я смогла хорошо разглядеть его. Черный, с синеватым отливом. Взгляд настороженный, пугливый, тревожный. Казалось, чем-то озабочен. Я, как видно, совершила неосторожное движение. Ворон мгновенно улетел. Правда, ненадолго.

Поделилась с соседкой, та ответила: «Ворона приучили прежние жильцы, подкармливали, даже имя дали — Каркуш. Он совсем ручной, сам прилетает, и когда зовут — тоже».

Я тут же поставила на балкон два блюдца. Одно с водой, в другое положила корма. Стала звать: «Каркуш, Каркуш!» Но ворон не появлялся. Под окна-

ми нашего дома росло много деревьев. Полагала, что ворон сидит на одном из них, просто его не видно из-за густой листвы, поэтому продолжала терпеливо звать. Все было тщетно, ворон не прилетал. Потеряв надежду на прилет Каркуша, я отошла от окна. И вдруг, оглянувшись, увидела его на балконе. Он поднял голову, посмотрел на меня, взмахнул широкими крыльями и тут же исчез. Ну, думаю, все.

За книгой не заметила, как наступили сумерки. Решила убрать с балкона блюдца. Каково же было мое удивление, когда увидела, что оба они пусты. Значит, все же прилетал.

Теперь каждое утро я ставила на балкон обед и свежую воду для Каркуша. От угощения он не отказывался, но на мой зов никогда не прилетал. Я продолжала терпеливо, ласково звать. Очень мне хотелось добиться его доверия. Ведь с прежними жильцами Каркуш дружил.

Где он живет, не знала. Рядом с нашим домом находился Ботанический сад. Полагала, там.

Шло время. Каркуш продолжал осторожничать. При мне никогда не появлялся на балконе, зато в мое отсутствие продолжал лакомиться угощением.

Однажды услышала под окном громкое воронье карканье. Вышла на балкон. Снизу донеслись ребячьи голоса:

— Какой же ты стрелок, если не можешь попасть в ворону! Она же сидит, не улетает. Мазила!

— Сам ты мазила! — последовал ответ. — Вот сейчас попаду.

На дереве сидела ворона и продолжала громко каркать. Мне стало ясно, что в безобидную птицу чем-то хотят запустить. Спустившись вниз, увидела двух подростков. У одного в руке был увесистый камень. Я заговорила с ним как можно строже: «И не стыдно вам целиться в живую ворону, что она вам сделала, чем вызвана такая жестокость?»

Мальчишки растерялись. Тот, у которого был камень в руке, тут же его бросил, сказал виновато: «Да все равно мы бы в нее не попали». Они тут же поспешно ушли. А я подумала: не Каркуш ли это? Почему птица не улетала? Очень может быть, Каркуш прилетел пообедать, а тут... Возможно, голод удержал его на месте.

Вернувшись к себе, вышла на балкон, стала звать Каркуша, хоть мало надеялась на его появление. Каркуша действительно не было. А когда я повернулась, чтобы вернуться в комнату, услышала за спиной шелест крыльев. Невольно оглянулась. На спинке стула действительно сидел Каркуш. Сидел впервые в моем присутствии.

«Каркуш, милый!» — только и смогла я произнести. Мгновенно подумалось: мальчишки бросали камни именно в него. Может быть, Каркуш понял, что мальчишки прекратили свое озорство благодаря моему вмешательству? Кто знает. Не случайно в сказках часто называют воронов мудрой птицей. Так это или нет, а только с того дня Каркуш стал мне доверять. Конечно, не сразу, не вдруг. Но через какое-то время даже присел на плечо. Это уже была победа.

Вскоре Каркуш осторожно решил войти в комнату. Озираясь по сторонам, остановился неподалеку от балконной двери. Посмотрел на меня, сделал вперед шаг... другой. Стараясь не спугнуть гостя, я ласково заговорила: «Каркуш, милая птица, приходи ко мне всегда».

Каркуш немного постоял, прислушиваясь к моему голосу, медленно повернул голову и так же не спеша вышел на балкон. Там он спокойно посидел на спинке стула и улетел. А еще спустя несколько дней он стал доверять мне полностью. Съедал свой обед при мне.

Свободно заходил в комнату. Садился на спинку моего стула и каркал. Скорее всего на вороньем языке то означало приветствие.

А. КИРИЛЛОВА

КЛИКИ ВЕСЕННЕЙ НОЧИ

Апрель — месяц последнего снега и первых цветов. Пора небесно-синих пролесок, густо-сиреневых хохлаток и чудомедуниц, трижды за время цветения, будто по волшебству, меняющих свои краски.

Весна в разгаре. И, пожалуй, нигде так неощутимо ее ликующее буйство, как здесь, в одном из уголков древних Трубчевских лесов. Все вокруг — и бело-мраморные березовые рощи, и сосновые боры, похожие на мифические храмы, — с утра до вечера залито щедрым солнцем, а свежий, как ручьевая струя, воздух до отказа насыщен бальзамическими ароматами хвои, трав и набухающих древесных почек.

Вечер. Мглистая дымка наглухо укрывает горизонт на востоке. В огненном море заката, будто сказочные корабли-парусники, тихо-тихо плывут на запад пурпурные облака. Чтобы послушать брачную песню мошника-глухаря на рассвете, знакомый лесничий Корней Ефимович предложил мне переночевать в лесу, невдалеке от глухаринаго тока. И вот мы встречаем чарующую, весеннюю ночь возле уютного костерка.

Одна за другой смолкают дневные птицы. Обрываются громкие, задорно звучащие рулады зяблика и утихают нежно звенящие хрустальной каплей синичьи бубенцы. Где-то в глубине урочища на душлистой осине гулко отстукивает завершающую трель барабанщик-дятел, и вдохновенно исполняет прощальную мелодию на самой маковке вековой ели великий солист-певчий дрозд.

Тускнеет угасающая заря, ярче разгораются алмазно сверкающие звезды. Все земное как бы тонет в черном бархате ночи и в то же время почти все отчетливее слышится каждый звук. Казалось бы, что после дневной суеты, неуемных птичьих хлопот и песен наступил желанный час глубокого сна, безмятежного покоя. Но

нежданно-негаданно откуда-то из непроглядных потемок раздается над нами отчетливый печально-плаксивый голосок: «Сплю-сплю-ю, сплю-ю!»

— Ах, негодница! — добродушно вздыхает Корней. — Возглашает, что якобы спит, а сама ведь на мышиную охоту вылетела.

Это был голос совы-сплюшки, самого маленького представителя совиного рода. И в то же время одного из отъявленнейших охотников, ведущих ночной образ жизни. Вслед за сплюшкой чуткую, как туго натянутая струна, тишину нарушает хрипловато-визгливый лай лисицы, а потом каким-то надрывно-хохочущим уханьем раздражается лесной владыка филин. Перелетая туда-сюда по темным чащобам, он то пугающе ухал, то страдальчески ахал, нагоняя страх на всех обитателей леса.

Голос пернатого разбойника заглох в дремучих ольшаниках, за речушкой Неруссой. И вскоре оттуда же доносятся какие-то протяжно-жалостные клики: «У-у-лю-лю, у-у-лю-лю!» До сих пор подобных кликов мне никогда еще слышать не приходилось. В них таились уныние, глубокая грусть, тревожная печаль.

— Интересно! — рассуждаю вслух. — Неужели это голос какой-то птицы?

— Той самой, которая на четырех ногах прыгает, — с иронической подковыркой улыбается лесничий. — Понимаешь, это зайчиха-белячиха друга к себе на брачное игрище зовет.

Округлив глаза, я уставился на Корнея Ефимовича. Правду говорит или шутит? И было для меня сказанное ошеломляющей новостью, но на самом деле то было правдой. Оказывается, среди прочих, еще не раскрытых загадок в поведении и нравах зайцев-беляков, есть и такой секрет. Не самец, как, например, у птиц, приглашает песней самку на избранное им место, а, наоборот, самка-зайчиха тоскливым улюлюканьем зовет в ночи супруга.

В чем же причина? Связано это с тем, что у большинства пернатых территорию для поселения занимает и охраняет самец. Тогда как у зайцев-беляков наиболее удобные участки захватывает и удерживает самка. Известно, что новорожденные зайчата, всего лишь раза три-четыре насосавшись материнского молока, не покидая места своего рождения, переходят исключительно на растительно-вегетари-

ГНЕЗДО ЧИБИСОВ

анский стол. Потому там, где они прячутся, растут, кормятся, должно быть не только надежное укрытие, но и обилие сытной пищи.

И вот теперь, облюбовав участок для поселения, зайчиха-белячиха подает любовный зов супругу. Но чур! В этом зове любви звучит и голос предупреждения. Кому? А другим зайчихам, дабы они не поселились рядом с занятым участком, что может грозить бескормицей их же потомству.

П. СТЕФАРОВ

По обеим сторонам стежки раскинулся небольшой, сырой после весеннего половодья луг. То там, то тут поблескивают вязкие болотца, обрамленные густой, сочной осокой. В таких местах любят гнездиться чибисы.

Вот и нынешней весной сырой луг облюбовала пара красивых птиц. Я с племянником Колькой задались целью найти их гнездо — нелегкое это дело. Чибисы гнездятся на земле, искусно используя для этого естественные углубления в почве, хорошо замаскированные травой. Повадки этих птиц мы изучили еще в прошлом году, поэтому отправились на луг рано утром, когда самка крепче сидит на яйцах.

Высоко в небе бубенчиком звенит жаворонок. Небо чисто и безоблачно, и песня жаворонка радует душу.

Заглушил ее стреляющий рокот экскаватора; огромным черным жуком заворочался экскаватор в пойме, потянул за собой через весь луг черную, как шрам, канаву. Это мелиораторы осушают луг. Они квартируют в здешней деревне.

— Ежели природу сотворил Бог, то кто же тогда мы, переделывающие эту природу?! Выходит, мы — главнее Бога, — то ли в шутку, то ли всерьез разъясняет мне всякий раз дядя Гриша — старший в экипаже, когда я завожу речь о сомнительной целесообразности прорубленной ими канавы.

Чибис-самец уже кувыркается в синеве над лугом недалеко от экскаватора, тревожно-жалобно спрашивает: «Чьи вы? Чьи вы?». В деревне чибисов называют «кезики».

— Кричат они так, — ответили мне местные жители. — Послушайте.

Я прислушался. «Ке-зик, ке-зик», — кричал встревоженный чибис. Но с такой же отчетливостью слышалось в этом крике и «Чьи вы? Чьи вы?». Вот так же выстукивают колеса поезда любое слово, которое загадаешь себе.

Вскоре чибис закружился над нами: то переворачивался в воздухе, сверкая белым брюшком и подкрыльями, то пикировал вниз к самой земле, едва не задевая крылом наши кепки.

— Значит, правильно идем, — подметил Колька, — это он хочет отвлечь нас,

отвести подальше от этого места — где-то рядом гнездо. Внимательно обшаривая глазами каждый клочок травы, мы медленно продвигались дальше. Еще минута, и крикливых чибисов уже двое над головой. Но я заметил, откуда выпорхнула вторая птица.

И вот мы стоим над гнездом и удивляемся способности пернатых приспособляться. Кто их научил этому? Гнездо даже трудно назвать гнездом. Неглубокая ямка величиной с коровье копыто, на дне несколько сухих былинки под цвет окружающей жухлой травы, на них — три продолговатых в крапинку яичка. В двух шагах такое гнездо не заметишь. Молодцы чибисы, умело замаскировались! Мы, конечно, не тронем вашего гнезда. Вешку вот сейчас поставим и тут же уйдем.

Потом я подошел к мелиораторам:

— Эй вы, боги земные! Вешкой мы гнездо птах обозначили. Пожалуйста, не раздавите его своей машиной. — Чибис — чудесная птица, лес без него — сирота.

Дядя Гриша поначалу заупрямился:

— Ежели из-за каждого гнезда загогулину выкручивать...

— В том-то и дело, Григорий Иваныч, что загогулин таких будет раз, два — и обчелся. Оскудели и эти, когда-то богатые птицей места. А луг без чибисов — это не луг, дядя Гриша. Мертвый ландшафт и не более.

... Через всю пойму тянется ровная, как по шнуру, глубокая канава с коричневой, застоялой водой. Только в одном месте канава делает полукруг — там гнездо чибисов.

В. САФРОНОВ

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

А. Хохряков. Под бесоснежным покрывалом . . .	1
Б. Сергеев. Приятного аппетита!	8
Николай СЛАДКОВ. Путешествие по вершинам.	
Повесть	16
Клуб Почемучек	23
Гомеров зоосад	30
С. Кучеренко. Властелины крошечной тьмы . . .	32
Записки натуралиста	40

НАША ОБЛОЖКА:

На первой странице — жук-усач; на второй — лизихитон (фото Р. Воронова); на третьей — бурый медведь; на четвертой — оркисы.

В номере использованы фото из журналов «Audubon», «National wildlife» и «National geographic».

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор **Б. А. ЧАЩАРИН**
 Заместитель главного редактора
Л. В. САМСОНОВА
 Ответственный секретарь
М. Н. ОСЕННОВА
 Художественный редактор **Н. Н. ОРЕХОВ**

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 6.02.95. Подписано в печать 4.03.96.
 Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 3,9. Усл. кр.-отг. 16,9. Уч.-изд. л. 4,8. Тираж 53500 Заказ 1868.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Комитета Российской Федерации по печати
 142300 г. Чехов Московской области
 тел. (272) 71-336
 факс. (272) 62-536
 Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юный натуралист»

«Юный натуралист», 1996, 1—48

Телефон 285-89-67

НАШ АДРЕС:

Индекс 71121

Длинные и прямые, точно шпага, рога украшают у ориксов не только самцов, но и самок. У самцов они массивнее, хотя порой бывают и короче. Рога эти — грозное оружие в борьбе за выживание. Случалось, что ориксы успешно отбивались от львов и даже убивали их. При решении территориальных споров самцы ритуально фехтуют рогами, не причиняя друг другу вреда, и лишь в крайнем случае хлещут ими противника, словно прутьями. Не более того!

Ориксы предпочитают кустарниковые саванны, избегая открытых степей. Держатся небольшими, до дюжины, стадами. Питаются травой и молодыми побегами, а если повезет, поедают сочные дикие дыни и их корни, выкапывая их из песка копытами. Пасутся в основном утром и вечером, пережидая полуденный африканский зной в тени дерева или куста.

Самка приносит в год одного теленка. Прежде чем стать на ноги, он, набираясь сил, лежит в укрытии, часто возле термитника, терпеливо ожидая мать, пасущуюся поблизости.

